

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
РАЗВИТИЯ»**

Новосибирск, 2012 г.

УДК 3
ББК 6/8
С69

С69 «Социология, политология, философия и история: современные тенденции развития»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (17 октября 2012 г.) — Новосибирск: Изд. «Сибирская ассоциация консультантов», 2012. — 112 с.

ISBN 978-5-4379-0146-5

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Социология, политология, философия и история: современные тенденции развития» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ISBN 978-5-4379-0146-5

ББК 6/8

Рецензенты:

- канд. филол. наук Бердникова Анна Геннадьевна;
- д-р искусствоведения Мышьякова Наталия Михайловна;
- д-р филол. наук Труфанова Ирина Владимировна.

© НП «Сибирская ассоциация консультантов», 2012 г.

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. История и теория политики	6
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ МОЛОДЁЖИ — ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ (ОТ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ) Гусев Алексей Владимирович	6
1.2. Политика в России	14
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ РОССИИ Дадуев Магомед Абуевич	14
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЙ Нунуев Саид-Хамзат Махмудович	19
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА Рудакова Светлана Ариковна	23
1.3. Социология и психология политики	28
МИРОВОЗЗРЕНИЕ СУБФЕДЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ: АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СТРАТАГЕМ Негров Евгений Олегович	28
1.4. Методология политического анализа	33
РОЛЬ И МЕСТО ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ СПЕКТРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ Кутузова Анастасия Александровна	33

Секция 2. Социология	37
2.1. Методология и методика социологического исследования	37
ДИНАМИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АСИММЕТРИЧНЫХ МАТРИЦ СХОДСТВА/РАЗЛИЧИЯ: ВАЛИДИЗАЦИЯ НА МОДЕЛЬНЫХ ДАННЫХ Бабич Николай Сергеевич Батыков Иван Владимирович	37
2.2. Социология управления	44
УПРАВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВОМ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ Королёва Эльвира Владимировна	44
АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ С НАСЕЛЕНИЕМ НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ Мальцева Наталья Владимировна Ринчинова Альбина Бургутовна	53
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ Никитина Ксения Николаевна Ринчинова Альбина Бургутовна	57
2.3. Социология организации	61
ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В УКРАИНЕ Черкашина Татьяна Алесандровна	61
Секция 3. Философия	69
3.1. Социальная философия	69
СЕМЕЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЗДНЕМ ВОЗРАСТЕ Бухалова Наталья Александровна	69

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В ПРОЕКЦИИ УСТНОЙ ИСТОРИИ Мокроусова Елена Александровна	73
3.2. Философские проблемы образования	81
СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ИДЕАЛОВ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ Горбатюк Тарас Витальевич	81
Секция 4. История	86
4.1. История России	86
ПЕРВАЯ ЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА Гач Ольга Богдановна	86
ГОРОДСКАЯ КОНТРРЕФОРМА 1892 г. ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ Купченко Константин Владимирович	91
НАЧАЛО ПОДУШНОЙ СИСТЕМЫ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ: 1719—1727 гг. Пархоменко Артем Андреевич	96
ЗАБАСТОВКА КАК ФОРМА ПРОТЕСТА ШАХТЁРОВ КУЗБАССА ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ (1992—1999 гг.) Соловенко Игорь Сергеевич	100
ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ: 1918—1919 гг. Сукманов Эдуард Валентинович	104
4.2. Документоведение, архивоведение	108
ОТ ГЕРБОВОЙ БУМАГИ К БЛАНКАМ ДОКУМЕНТОВ В ИСТОРИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ Дрыгина Наталья Николаевна	108

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ МОЛОДЁЖИ — ВАЖНЕЙШИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПЦИЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ (ОТ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО К СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ)

Гусев Алексей Владимирович

*канд. ист. наук, докторант Московского государственного
областного университета, г. Москва*

E-mail: gusev-75@bk.ru

Молодёжная политика России на протяжении всей советской и постсоветской истории занимает своеобразное, можно сказать, неопределённое место в общей политике государства, деятельности институтов гражданского общества. С одной стороны, постоянно констатируется важность и значение данного направления политики, с другой — происходят бесконечные реформы, как в сфере управления, так и в концептуально-философском осознании, практической работе с молодёжью. В этой связи изучение процессов формирования и реализации концептуальных подходов в целом и их важнейшего элемента — информационной политики, в частности, имеет актуальнейшее значение, прежде всего для определения дальнейших путей развития работы с молодёжью на самых различных уровнях.

Уже в проекте Закона СССР «О повышении роли советской молодежи и молодежных организаций во всех областях государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства СССР» (1967 г.) содержались некоторые подходы к информационному обеспечению определенных интересов молодежи, хотя и в области преимущественно профессиональной. Так, в ст. 69 законопроекта

устанавливалось, что руководители научно-исследовательских учреждений, проектно-конструкторских организаций и учебных заведений обязаны, среди прочего, «улучшать для молодых ученых систему информации о новейших мировых и отечественных достижениях науки и техники как в целом, так и по отдельным проблемам» [1, Т. 1, с. 54—55]. Информационная политика в отношении молодежи до этого периода не выделялась партийно-государственным аппаратом в отдельное направление. При всей её мощи и разнообразии способов и средств информационного воздействия, она была частью единой системы «средств массовой коммуникации и пропаганды».

В «Основах концепции Закона СССР о молодежи» (1987 г.) информационная поддержка молодежи в большей мере связывалась с политической информированностью. Здесь подчеркивалось: «Повышению политической активности молодежи в области социального контроля послужит принятие правовых норм, закрепляющих права молодежи и молодежных организаций на оперативное и систематическое получение от государственных органов и общественных организаций необходимой информации, гласность в решении ими вопросов молодежной политики; права на участие в различных видах контроля за деятельностью аппарата государственного управления» [1, Т. 1, с. 177]. На этом данном этапе еще невозможно говорить о высокой значимости информационной составляющей в системе государственной молодежной политики, каковой она виделась разработчикам законопроекта.

Однако достаточно скоро ситуация начала меняться. В наибольшей степени это было связано не с концептуальными разработками в области государственной информационной политики, а с освоением и осмыслением опыта молодежной политики ряда зарубежных стран и мирового сообщества. Характерны в этом отношении «Руководящие принципы для дальнейшего планирования и осуществления последующих мер, касающихся молодежи», которые были изложены в докладе Генерального секретаря ООН «Международный год молодежи: участие, развитие, мир» на 40-й сессии ООН (1985 г.) Эти принципы были утверждены в помощь правительствам, организациям системы Организации Объединенных Наций и другим межправительственным и неправительственным организациям, в частности, молодежным организациям, на всех уровнях при дальнейшем планировании и осуществлении соответствующих последующих мер, касающихся молодежи, с тем чтобы содействовать проведению соответствующих мероприятий

в соответствии с задачами «Международного года молодежи: участие, развитие и мир» [1, Т. 2, с. 144—193]. В документе многократно идет речь об информационных аспектах молодежной политики — и в отношении информирования молодежи о состоянии общества, науки, трудоустройства, образования, и в отношении информирования общества о положении и интересах молодежи. Специальный раздел документа был посвящен деятельности в области общественной информации. В нем, в частности были сформулированы следующие позиции: «88. Должна быть признана важность деятельности, связанной с общественной информацией, для содействия целям руководящих принципов. Можно предоставлять информацию о проблемах молодежи средствами массовой информации и другим информационным каналам с целью создания и поддержания понимания положения и забот молодых людей со стороны широких слоев общественности и особенно липами, ответственности за принятие решений. Деятельность, связанная с информацией, должна быть направлена на информирование молодых людей относительно вопросов, непосредственно затрагивающих их и их общества в целом, с целью мотивировки их участия.

89. В дополнение к средствам информации другие группы могут служить каналами информации, получаемой от молодежи, предназначенной для молодежи и касающейся ее. На нижеперечисленные общие задачи следует обращать внимание правительственных и неправительственных организаций, занимающихся вопросами молодежи; департаментов социального обеспечения молодежи и подобных учреждений; организаций профсоюзов и предпринимателей; парламентариев, специализирующихся в вопросах молодежи; министерств, занимающихся вопросами молодежи, и министерств и департаментов, отвечавших за вопросы образования; правительственных и неправительственных учреждений, отвечающих за неофициальное образование молодых людей; и широкой общественности с целью создания и улучшения атмосферы понимания и одобрения планов и программ, касающихся молодежи.

90. Для содействия пониманию целей руководящих принципов предлагаются следующие меры для информационной деятельности Департамента общественной информации Организации Объединенных Наций и специализированных учреждений:

- а) обращать внимание на положение, нужды и устремления молодежи;
- б) поощрять сотрудничество при решении вопросов, связанных с молодежью;

с) содействовать активному участию молодых людей во всеобщем развитии общества, привлекать ее к изучению и решению главных национальных, региональных и международных проблем и информировать общественность о вкладе молодежи в эту деятельность;

д) освещать деятельность системы Организации Объединенных Наций, насколько это возможно, наиболее важные национальные мероприятия, связанные с годом молодежи;

е) информировать молодых людей о международных проблемах, в том числе о роли молодежи в установлении нового международного экономического порядка и вопросах обеспечения мира, разоружения, международного взаимопонимания и сотрудничества между странами» [1, Т. 2, с. 188—190].

Представленные положения могут быть рассмотрены как основы международной концепции информационной политики в отношении молодежи, и именно в этом ключе они воздействовали на формирование информационного аспекта концепции государственной молодежной политики, разрабатывавшейся в нашей стране в 1987—1991 гг.

Кроме этого на отечественную концепцию существенно повлияли два фактора. Один связан с изучением опыта законодательства Германии, где после объединения страны был принят Закон о помощи детям и молодежи ФРГ (1990 г.), продолжавший линию законодательства в отношении молодежи, утвердившуюся еще в 1922 г. Здесь специфична была исключительная щепетильность, с какой германский законодатель правовыми средствами отстаивает интересы молодого человека в вопросах сбора и использования частной информации о нем. В российской правовой системе и сегодня нет подобного уровня регламентации, которая установлена в отношении прав личности на защиту информации о себе, которая имеется в германском законодательстве, в том числе и в «Законе о помощи детям и молодежи». В статье 2 Федерального закона от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» конфиденциальная информация определена как документированная информация, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении перечня сведений конфиденциального характера» первой среди групп выделены сведения «о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных

федеральными законами случаях». Но это слишком нечеткая формула на фоне немецкой пунктуальности.

Второй фактор — изучение опыта работы информационных центров для молодежи ряда европейских стран. Приведем фрагмент из отчета о командировке во Францию директора Научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ И.М. Ильинского (декабрь 1989 г.), где описывается опыт постановки такой работы в Министерстве по делам молодежи и спорта, в ведении которого находится система информации и документации для молодежи, созданная во всех регионах и городах страны: «Подчиняясь функционально Министерству по делам молодежи и спорта, данные центры лишь на 50 % являются государственными и финансируются государством лишь на 50 %. А 50 % средств данные центры должны зарабатывать сами. Это осуществляется путем продажи специальной молодежной информации, издания газет, журналов и т. д. Основная задача центров — это информация о профессиях по видам специальностей, дипломов, которые молодой человек может получать после окончания того или иного учебного заведения. Центр располагает обширной информацией, которая накапливается по этим вопросам в течение многих лет и которой молодые люди, приходя в центр, могут пользоваться бесплатно, если они не берут с собой какие-либо документы, подготовленные данным центром. Тогда они должны платить за каждый документ 5 франков. Кроме того, данные центры располагают всей необходимой информацией о досуге, отпусках, т. е. о том, где и как за какую цену молодой человек может провести свой отпуск или каникулы». В отчете отмечается, что только в Парижском центре ежегодно бывает около 1 млн. молодых парижан. Центр ежегодно издает около 4 тыс. страниц информационного текста по 400 видам услуг. Имеет адреса более чем на 20 тыс. различных абонентов. «Короче говоря, центр информации и документации молодежи — это своеобразный справочник для молодежи. В рамках центра действует отдел голосования молодежи, т. е. отдел, который может дать всю информацию о том, как участвовать молодежи в голосовании и как она участвует в этом. Есть отдел права, и таким образом существует возможность у молодых людей подучить все необходимые юридические консультации по любому вопросу со стороны специалиста. В момент посещения центра я имел возможность наблюдать работу семи специалистов, которые давали такие консультации. В это время в различных залах центра находилось 250—300 человек. Кроме того, в данном центре существует

вся необходимая информация по вопросам работы молодежи. Своеобразная биржа труда. Данные о свободных рабочих местах поступают в центр со всех предприятий Парижа, поскольку он хорошо известен в этом городе, ибо существует уже более 20 лет... Думается, что создание сети подобных информационных центров для молодежи чрезвычайно актуальная задача для нашей страны», — писал в отчете И.М. Ильинский [1, Т. 2, с. 435—436].

Таким образом, из анализа зарубежного опыта в отечественную концепцию молодежной политики пришли следующие фундаментальные положения:

а) сбор, анализ, передача молодежи информации по всему спектру вопросов, которые ее интересуют (о возможностях образования, трудоустройства, создания семьи, занятий наукой, спортом, искусством, а также и о культурных тенденциях, хобби, модных увлечениях и т. д.), составляет один из приоритетов молодежной политики: недостаточный доступ к информации — одно из уязвимых мест положения молодежи в обществе, которое сокращает и все другие возможности ее самореализации;

б) информация о молодежи, ее положении, настроениях, ценностных ориентациях, инновациях должна широко представляться обществу; недостаток информации о молодежи в структурах власти, у представителей старшего поколения порождает неточное понимание мотивов поведения молодежи и чаще всего предвзятое отношение к ней, что ограничивает участие молодого поколения в экономической, политической, социальной и культурной жизни;

с) двусторонний доступ к информации в диалоге молодежи и общества не должен нарушать конфиденциальности информации о частной жизни молодого человека, его право на защиту информации личности при ее сборе, обработке и использовании должно быть защищено законом.

Фактически это и есть общие начала информационной политики, в части молодежной политики, каковыми они сформировались в 1987—1991 гг. Однако лишь в некоторых чертах они вошли в принятые документы. Так, важнейшим свидетельством прогресса в рассматриваемом направлении следует считать появление в Законе СССР «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР» статьи 11, которой впервые в отечественную практику вводился новый социальный институт — социальные службы для молодежи. В первой части этой статьи указывались функции социальных служб для молодежи, и первой закреплялось «информирование молодых граждан об их правах и возможностях во всех

сферах жизни» [1, Т. 1, с. 537]. Информационная составляющая была представлена и в других функциях социальных служб для молодежи, например в функции, включавшей консультирование несовершеннолетних, других молодых граждан и их родителей, психологическую, педагогическую, наркологическую и юридическую помощь. Но все же существенным надо признать именно то, что информирование молодежи по широкому спектру вопросов поставлено на первое место и сама эта функция связана с системой специализированных государственных учреждений.

В концепциях государственной молодежной политики, появившихся в 2000-е годы, информационная составляющая выделяется как особо существенная. Так, в «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» (2006 г.) «вовлечение молодежи в социальную практику и ее информирование о потенциальных возможностях развития» обозначено первым их приоритетных направлений государственной молодежной политики. Государственная молодежная политика, подчеркивается в документе, призвана объединить государственные и негосударственные ресурсы, что предполагает межведомственный характер взаимодействия в целях «системного вовлечения молодежи в общественную жизнь и развития навыков самостоятельной жизнедеятельности молодых жителей страны, информирования всех молодых людей о возможностях их развития в России и в мировом сообществе, а также культуры применения созданных в стране возможностей личностного и общественного развития, что позволит молодому человеку полнее реализовать свой потенциал, укрепит его уверенность в своих силах и своем будущем...». Среди прочего это предполагает реализацию проекта «Российская молодежная информационная сеть "Новый взгляд"». Данный проект, адресованный молодым гражданам Российской Федерации, их родителям и сотрудникам учреждений, работающим с молодежью, подробно представлен в Стратегии. В качестве его основных целей обозначены: (а) вовлечение молодежи в процессы поиска, создания, применения, распространения и популяризации актуальной информации и ценностей, необходимых для эффективной жизни в российском обществе; (б) развитие механизмов и форм трансляции информации, актуальной для жизни молодежи, в молодежные аудитории; (в) развитие положительного отношения молодежи к позитивным ценностям российского общества; (г) формирование и продвижение образа успешного молодого россиянина.

Это достаточно широкая программа действий, включающая развитие системы информирования и программ социального просвещения по всему спектру вопросов жизни молодежи в обществе (здоровье, спорт, образование, жилье, досуг, труд, карьера, общественная и личная жизнь, семья, международные отношения и жизнь молодежи в других странах и др.); развитие информационно-консалтинговой помощи молодежи; развитие молодежных информационных проектов и программ; популяризацию ценностей российского общества (здоровье, труд, семья, толерантность, права человека, Родина, патриотизм, служение Отечеству, активная жизненная и гражданская позиция и ответственность) средствами социальной рекламы; разработку и распространение информационных ресурсов и социальной рекламы силами молодых граждан; разработку специальных проектов, предоставляющих равные возможности молодежи, проживающей в сельских и удаленных районах, в поиске, применении и распространении актуальной информации; участие в международных информационных молодежных проектах, направленных на взаимное проникновение ценностей российской и мировой культуры [2]. Многие позиции, как видим, продолжают ранее разработанную концепцию государственной молодежной политики, но с тем отличием, что уже совершенно изменилась социальная среда, в которой такие действия государство планирует осуществлять.

Таковы в общих чертах тенденции информационной политики в отношении молодёжи, сформулированные в государственных документах второй половины XX — нач. XXI века. Безусловно, важным является изучение практических результатов реализации указанных установок, определение степени информированности и стремления молодёжи современной России к получению информации о государстве и возможностях, предоставляемых государством. Данное направление исследований, находящееся на стыке политологии, социологии и истории является не только перспективным, но и практически важным для современной гуманитаристики.

Список литературы:

1. Закон о молодежи. Документы и материалы по истории становления государственной молодежной политики в России. — М., 2008. Т. 1—2.
2. Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://km.mosreg.ru/info/55.html>

1.2. ПОЛИТИКА В РОССИИ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ РОССИИ

Дадуев Магомед Абуевич

*канд. полит. наук, доцент, Чеченский государственный университет,
доцент кафедры теории и истории социальной работы, г. Грозный
E-mail: mdaduev@mail.ru*

Цель нашей работы — предложить трактовку концептуальных оснований этнополитики современной России на основе конструктивистской парадигмы этничности.

Актуальность темы состоит в том, что эффективная реализация политического курса невозможна без четкого выбора субъектов, объектов, направленности, приоритетов и методов управления. Увы, в постсоветской России проблематика регулирования этнической сферы общества часто описывается в устаревших категориях «национальной политики». Термин «этнополитика» в научном смысле определеннее и не несет идеологической предвзятости сравнительно с привычной «национальной политикой». В мировой науке концептуально обосновал применение термина «ethnopolitics» Джозеф Ротшильд в работе «Этнополитика: концептуальная рамка» (1982 г.) [6, p. 117].

Подчеркнем, что используется понятие «politics» (т. е. совокупная деятельность всех субъектов политического процесса, в т. ч. негосударственных), а не «policy» (т. е. целенаправленная деятельность государственных органов). Это принципиально важно для понимания коренных различий этнополитики в условиях демократии и авторитаризма, а также в аспекте содержания курса. Государственная этнополитика — «ядро» всей системы этнополитики, но не может быть тождественна всей системе. Поэтому политическая наука исследует этнополитику системно, а не только в государственно-нормативном аспекте, как юриспруденция. Политологов интересуют взаимоотношения государства с этническими группами и институтами общества: элитами, партиями, движениями, общественными организациями, СМИ, религиозными структурами и др., а также взаимодействие государственного курса с этнокультурными феноменами (по В.А. Ачкасову) [1, с. 4]. Современная этнополитика

не только управляет этническими процессами, но и зависит от них по принципу обратной связи.

Макрополитические факторы, определяющие цели и методы этнополитики, таковы (по обобщениям А.Р. Аклаева [2, с. 324] с нашими коррективами):

- модели этностатусной стратификации всего общества, его региональных и местных подсистем;
- структура политических возможностей (конституционные и другие правовые нормы, которые государственные органы власти должны соблюдать);
- наличие у государства политических ресурсов;
- существующие политические группировки внутри органов государственной власти, в элитах и этнических движениях;
- типология политики государства;
- стратегии и тактики этнополитических движений;
- модели этнической идентичности, их различия на региональном и местном уровне этнических групп; изменения этнического самосознания.

Особенно важно не ограничиваться изучением нормативно-правовых актов, а делать акцент на реальной политике субъектов этнополитического процесса. Однако она часто отличается от благих пожеланий законодателей. Реальная политика выявляется на основе методов социологического и политического анализа.

Начать надо с оценки общественной среды этнополитики. Россия — полиэтничное общество, в котором развиваются многообразные и подчас противоречивые этносоциальные процессы. Россия — общество многосоставное, а в ряде регионов — и разделенное (Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Чечня). Российское государство создано совместными усилиями многих народов, имевших формы институционального участия во власти (территориальные автономии), каналы устойчивой рекрутации в государственную элиту. «Благодаря объединяющей роли русского народа на территории России сохранились уникальное единство и многообразие, духовная общность и союз различных народов», как констатирует пока еще действующая Концепция Государственной национальной политики РФ (1996 г.) [3].

Этнополитика, конечно, имеет противоречия, как всякая система. Часть противоречий извечна и неустранима, их можно только перевести в институциональные и цивилизованно управляемые формы. Таковы противоречия между интересами общегосударственного, регионального и местного уровней власти; между унификацией

и сепаратизмом; между этнонационализмом и космополитизмом; интересами различных этнических элит.

Другая часть противоречий этнополитики вызвана динамическими факторами: неравномерностью вовлечения этнических групп и ареалов их расселения в процессы модернизации; внешнеполитическими и геополитическими обстоятельствами (войны, трансграничные конфликты); эффективностью и целями государственных стратегий курса.

Необходим поиск более совершенных моделей политики, которые позволили бы органично сочетать этнические и надэтнические интересы, особенное и своеобразное в едином полиэтничном государстве.

Современная этнополитика может быть определена как целенаправленная стратегия регулирования этнических отношений. Этнополитика включает в себя теорию, принципы, основные направления, систему мер и механизмов реализации. Главное в содержании этнополитики — управление этническими интересами с учётом их общности и различий, степени их законности и конструктивности для всего обществ [5]. Государственные органы власти должны заниматься оптимизацией межэтнических отношений, т. е. находить и поддерживать механизмы интеграции этнических интересов в рамках демократии. Этнополитика — один из отраслевых видов деятельности акторов политики. Она не может быть изолирована от экономической, социальной, культурной, религиозной, внешней и других видов политики. Напротив, они взаимосвязаны.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации [4] была утверждена Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. Она представляет собой систему взглядов, принципов и приоритетов деятельности органов государственной власти в сфере национальных отношений. Данная Концепция действует и сейчас, хотя потребность коренного реформирования этнополитики ощущается всё сильнее. Согласно Концепции 1996 г., государственная национальная политика основана на принципах Конституции РФ и общепризнанных нормах международного права. Политика выражается в системе федеральных законов; законов субъектов Российской Федерации; договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами власти субъектов Российской Федерации. Тем самым, признана приоритетность Концепции в сфере правового регулирования межэтнических отношений сравнительно с текущими законами.

Основные принципы национальной политики в Российской Федерации:

- равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его расы, национальности, языка, отношения к религии, принадлежности к социальным группам и общественным объединениям;
- запрещение любых ограничений прав граждан;
- сохранение сложившейся целостности Российской Федерации;
- равноправие всех субъектов РФ во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти;
- гарантии прав коренных малочисленных и дисперсно проживающих народов в соответствии с Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ;
- право каждого гражданина определять и указывать свою национальную принадлежность без всякого принуждения;
- содействие развитию национальных культур и языков народов РФ;
- своевременное и мирное разрешение противоречий и конфликтов;
- запрещение деятельности, направленной на подрыв безопасности государства, возбуждение социальной, расовой, национальной и религиозной розни, ненависти либо вражды;
- защита прав и интересов граждан РФ за её пределами; поддержка соотечественников в зарубежных странах в области сохранения и развития родного языка, культуры и национальных традиций, укрепления их связей с Родиной.

Основные цели государственной национальной политики РФ: обеспечение условий для полноправного социального и национально-культурного развития всех народов России; упрочение общероссийской гражданской и духовно-нравственной общности на основе соблюдения прав и свобод человека и гражданина и признания его высшей ценностью.

Задачи этнополитики России в сфере внутренней политики таковы:

- формирование федерации, которая отвечала бы современным социально-экономическим и политическим реалиям и историческому опыту России;
- создание правовой базы регулирования федеративных и национальных отношений;
- объединение усилий всех институтов государства и гражданского общества для достижения национального согласия,

утверждения принципа равноправия граждан различных национальностей и вероисповеданий, укрепления взаимопонимания между ними;

- обеспечение правовых, организационных и материальных условий, способствующих учету и удовлетворению национально-культурных интересов народов;

- выработка государственных мер раннего предупреждения межнациональных конфликтов и связанных с ними криминальных проявлений и массовых беспорядков;

- разрешение возможных конфликтов между субъектами РФ путем согласительных процедур на основе действующего законодательства;

- обеспечение правовой защиты национальной чести и достоинства граждан, усиление ответственности за разжигание межнациональной розни;

- борьба с любыми проявлениями агрессивного национализма.

Список литературы:

1. Ачкасов В.А. Этнополитология. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2005. — 337 с.
2. Аклаев А.Р. Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент. 2-е изд. М.: Дело, 2008. — 472 с.
3. Концепция Государственной национальной политики Российской Федерации: Утверждена Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909 // Российская газета. — 1996. — 10 июля.
4. Концепция Государственной национальной политики Российской Федерации: Утверждена Указом Президента РФ от 15 июня 1996 г. № 909 // Российская газета. — 1996. — 10 июля.
5. Цапко М.И. Управление этническими процессами на региональном уровне: Автореф. дис. ...канд. полит. наук. — Ставрополь, 2005. — 24 с.
6. Rotschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. — N.Y.: Columbia University Press, 1982. — 290 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЙ

Нунуев Саид-Хамзат Махмудович

*канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории социальной работы, Чеченский государственный университет, г. Грозный
E-mail: nunuevs@mail.ru*

Политический процесс осмысливается теоретически как последовательная смена состояний и явлений, стадий изменений политической системы либо её элементов [1, с. 12]. Можно рассмотреть это явление не только объективированно, но и с точки зрения субъектов процесса. В таком ракурсе политический процесс — совокупная деятельность всех субъектов политических отношений, которая обеспечивает существование политической системы общества: её формирование, функционирование и преобразования во времени и пространстве. Сущность политического процесса — создание и поддержание институтов политической системы, норм и отношений политической деятельности, политической культуры. Внешне политический процесс выражается во множестве единичных действий, взаимодействий и событий [2, с. 8; 1, с. 19], обеспечивающих изменения политической системы в её единстве. Действия могут быть институциональными или внеинституциональными, целенаправленными либо стихийными.

Необходимо различать два измерения политического процесса. На макроуровне это цикл воспроизводства политической системы, всеобщая и наиболее широкая характеристика динамики всей политической системы. На микроуровне политический процесс — равнодействующая «субпроцессов», т. е. действий отдельных политических акторов по достижению своих общественно значимых интересов.

Основные методологические подходы к анализу политических процессов, на наш взгляд, могут быть систематизированы таким образом:

Институциональный подход (Р. Михельс, С. Хантингтон) сосредотачивает внимание на механизмах функционирования политической системы, на трансформациях политических институтов. Внимание к неформальной активности, феноменам сознания ослаблено. Данный подход оптимален для изучения устойчивых политических систем, демократических по своей сути.

Бихевиоральный подход (Ч. Мерриам, Г. Лассуэлл). В центр внимания ставится взаимодействие интересов, актов поведения, ценностных ориентаций субъектов политики. Политический процесс понимается как равнодействующая, как итог соперничества альтернативных вариантов развития. Бихевиорализм позволяет осмыслить процесс как совокупность интеракций в системе «субъект-объектных» отношений. Выявляются условия, мотивы, цели и средства, методы и результаты взаимодействий. Из этой методологии можно вывести более частную конфликтологическую методику исследования (Р. Дарендорф). Она рассматривает процесс как динамику соперничества за статусы и ресурсы власти. Бихевиоральный подход плодотворен для понимания мезо- и микрополитических процессов в нестабильных и переходных обществах.

Структурный функционализм (Д. Аптер, Ш. Эйзенштадт) сосредотачивается на рассмотрении ролевой системы, статусов и организационного взаимодействия политических субъектов. Этот подход эффективен, скорее, для изучения политий Запада с их устойчивыми социальными системами и нормативно закреплёнными формами демократии, чем для познания политических процессов в России либо странах Востока.

Системный подход (К. Дойч, Д. Истон) истолковывает политический процесс как совокупность закономерных реакций системы на воздействия внешней среды. Процесс одновременно воспроизводит и целостную устойчивую структуру, и способы изменений её. Процесс имеет 4 фазы: 1) «вход» — воздействие среды на политическую систему, предъявление требований; 2) «конверсию» — преобразования требований в решения; 3) «выход» — реакцию системы на решения в виде действий и событий; 4) «обратную связь» — воспроизводство системы на качественно новом равновесном уровне [3, с. 13]. Тип политического процесса зависит от социальной системы, типа государства, уровня и форм политической деятельности и т. д. Но системный подход оставлял в тени выработку политического курса внутри «черного ящика» (общества), страдал определенной статичностью.

Теории социальных изменений, динамические модели политического процесса (Д. Трумэн, Г. Алмонд, Д. Растоу и др.). Вводятся пространственно-временные характеристики процесса. Ход событий понимается как волновой циклический переход от «старого» равновесия политической системы — через нестабильное преобразование — к «новому» равновесию. Г. Алмонд выделил следующие этапы деятельности субъектов политики:

1. преобразование (артикуляция и агрегирование) социальных потребностей в интересы;
2. разработка политического курса;
3. реализация политических решений;
4. контроль за исполнением решений [4, с. 122—238].

Д. Растоу ввел понятие «динамическая модель» политического процесса, что позволило перейти от описательного перечисления факторов изменений к выявлению строения процесса и взаимосвязей его элементов. Доказано, что условия, вызвавшие переход к демократии, могут быть совершенно иными, чем условия, необходимые для её укрепления и стабильного развития [6, с. 5—15].

Неоинституциональный подход позволяет выявить реальные, а не только формально-правовые и декларативно-идеологические аспекты политических процессов. Именно неоинституционализм раскрывает роль исторической обусловленности трансформаций политических систем. Важная черта неоинституционализма — понимание институтов как «правил игры» в обществе. Институты задают структуру побудительных мотивов деятельности в политике (Д. Норт) [7, с. 17].

Институты политики, акторы, стратегии и ресурсы определяются в транзитологических работах как относительно постоянные структурные элементы политических систем (Ф. Шмиттер, Г.О. Доннелл) [8, р. 111, 127]. Динамический компонент политических режимов задается в основном влияниями внешней среды, а также взаимодействиями по поводу власти внутри политики. Неоинституционализм полезен тем, что позволяет органично сочетать статические и динамические модели политического процесса, преемственность и изменения.

В итоге сравнительного анализа методологий можно расценить политический процесс как подвижный баланс состояний политической системы и её изменений в масштабах общества, его отдельных сфер либо элементов. Важнейшие акторы политического процесса — политические системы в целом, институты: государство, гражданское общество, партии, политические движения, институциональные и неинституциональные сообщества людей, индивиды. Набор акторов зависит от социокультурного типа общества, от совокупности внешних воздействий на политический процесс, от характера преобладающих взаимоотношений.

Воспроизводство политического процесса, по мнению Г.Г. Новикова, включает в себя созидание акторов, форм политического участия, политической культуры и норм жизни, а также производство

определенного социального порядка. «Субстратом» акторов политики выступает социальная структура и её общности [2, с. 8, 12].

В итоге воспроизводства складывается политическая ситуация. Её можно оценить по признакам: условиям и внешним факторам политической жизни; временному и пространственному масштабу действия; отражению ситуации в политическом сознании; характеру проблем и задач управления; видам и формам политической деятельности.

Типы взаимодействий акторов процесса оценивают в различных аспектах. Е.Ю. Мелешкина выделяет по оси «конфликт — консенсус» типы: конфронтацию, нейтралитет, компромисс, союз, консенсус [5, с. 14]. Г.Г. Новиков перечисляет конкуренцию, сотрудничество, заимствование, взаимовлияние, управление одним актором со стороны другого [2, с. 12].

Факторы (обстоятельства) политического процесса делятся на «внешние» и «внутренние». Внешние факторы — это система экономических, социальных, правовых, социокультурных и иных отношений в обществе, определяющая тип и черты политического процесса. «Внутренние» факторы — это сущностные качества акторов, их интересы и установки деятельности, ресурсы влияния, стратегии и тактики активности. Разумеется, внутренние и внешние факторы процесса неразрывно связаны между собой, образуя единую систему.

Динамический компонент политического процесса — политические изменения как постоянный переход от одного состояния общества в другое, как всеобщее извечное свойство политических систем. Политические изменения — это преобразования институтов, норм и целей, типов деятельности людей в политике, которые существенно влияют на обновление политической системы или отдельных её элементов. Источник изменений — внутренние противоречия политических явлений и структур. Типы изменений — реформа либо революция.

Итак, политический процесс — это совокупность действий и взаимодействий акторов политики по поводу их значимых для общества политических интересов, реализации их политических ролей и функций. Основные акторы процесса — органы государственной власти; партии; иные политические организации; сообщества людей (элиты, страты, этносы конфессиональные группы и мн. др.); индивиды, прежде всего — лидеры. Кроме акторов, строение политического процесса включает в себя: факты и события повседневной политической жизни; типы взаимодействий субъектов; ресурсы; факторы процесса; социокультурную среду процесса.

Список литературы

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. — М.: Аспект Пресс, 2002. — 537 с.
2. Ковалев В.А. Политическая трансформация в регионе: Республика Коми в контексте российских преобразований. — Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарск. гос. ун-та, 2001. — 251 с.
3. Новиков Г.Г. Политический процесс: социально-философские аспекты исследования. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. — М., 1994. — 24 с.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экон. книги «Начала», 1997. — 180 с.
5. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е.Ю. Мелешкиной. — М.: ИНФРА-М, 2001. — 304 с.
6. Растои Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Политические исследования (Полис). — 1996. — № 5. — С. 5—15.
7. Шутов А.Ю. Политический процесс. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1994. — 80 с.
8. Linz J.J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. — Baltimore; London: The John's Hopkins University Press, 1996. — 457 p.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТРАТЕГИИ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Рудакова Светлана Ариковна

*соискатель степени кандидата политических наук ГОУВПО
«Кубанский государственный университет», г. Краснодар;
помощник депутата ЗСК, г. Новороссийск
E-mail: makzsk@rambler.ru*

В современную эпоху становления России как динамично развивающегося государства одним из результатов научных исследований российских политологов доминант политического развития является выявление активной роли государства, инициировавшего электронизацию государственного управления. За последние десять лет в стране делаются значительные шаги по формированию «электронного правительства» как технологии политического управления. Однако, в экспертном сообществе создание в России «электронного государства» вызывает немало

острых вопросов, кроме того по мнению О.В. Петрова не существует единой, общепризнанной «альтернативы построению фундамента электронного правительства и затем возведения всей системы «этаж за этажом» [3, с. 70]. По нашему мнению, главным вопросом современности остается адаптация мировой концепции формирования «электронного общества» на основе создания «электронных государств», к условиям и специфике каждого государства, исходя из его возможностей и потребностей.

Анализируя «извилистый путь прогресса» на современном этапе политической модернизации России, по нашему мнению, не снята с повестки дня потребность в теоретическом осмыслении концепций, положений и конструкций, в которых находят свое логико-понятийное выражение вопросы создания механизма для перехода централизованного, иерархического правительства — к новой модели управления. Данная модель основана на «цифровой экономике», реализации концепции «электронного правительства» как составной части реформы системы государственного управления.

В начале первого десятилетия XXI в. идея «управляемой демократии», реализуемая в России органами власти, породила теневую идеологию. Устаревшая модель информатизации государственного управления, недостаточная эффективность государственной власти, несоответствие количества полномочий и функций государственного управления качеству оказываемых услуг гражданам требовало в стране реформы административной, технического регулирования процессов управления, саморегулирования и самоорганизации и, соответственно, качественного обновления политики государства. Театрализация и нарциссизм политиков, коррупция и преступность, грубые политтехнологии, рост государственного аппарата и повышение расходов на его содержание на фоне низкого уровня доверия граждан власти утратили свою меру и были в числе причин, инициировавших проведение политической реформы (сокращение функций государственных органов).

Реформы, начатые в 2000 г. превратились в контрреформы и, соответственно, были практически свернуты. Россия, оставаясь генетически наследницей советского режима, исчерпала прежний ресурс мобилизационного типа реформирования страны. Идеологические ресурсы веры и энтузиазма, политические зажимы и дисциплинарные техники не приносили результата, так как полноценная модернизация при отсутствии свободы не осуществима. Низкая эффективность государственного аппарата России, построенного за годы советского периода по иерархическому принципу, как следствие нерешенных

конфликтов интересов исполнительной власти на федеральном уровне в части разграничения политической, правовой и административной сферы, непоследовательное решение проблем в сфере политической рефлексии модернизации власти отразилось на реформаторской деятельности регионов.

По мнению исследователей В.И. Пантии и В.В. Лапкина «Даже такой беглый обзор проблем свидетельствует, что сегодня не существует более приоритетной национальной задачи, чем реформирование системы государственного управления, поскольку от ее решения, прежде всего, зависит способность России справиться с другими проблемами» [2, с. 43].

Следует отметить, что в Послании Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 16 мая 2003 г. жестко и правдиво прозвучало: «Мы стоим перед лицом серьезных угроз. Наш экономический фундамент, хотя и стал заметно прочнее, но все еще неустойчив и очень слаб. Политическая система развита недостаточно. Государственный аппарат малоэффективен. Большинство отраслей экономики неконкурентоспособны. При этом численность населения продолжает падать. Бедность отстает крайне медленно. Международная обстановка остается сложной. Конкуренция в мировой экономике не снижается. Вокруг нас — страны с высокоразвитой экономикой. Надо прямо сказать: они оттесняют там, где могут, Россию с перспективных мировых рынков» [4, с. 12]. Принципы политического руководства российской бюрократии оказались несовместимы с намеченными путями реформирования и изменения идеологической ориентации общества. Глобальный по своей политической значимости процесс «политической реформы» при сохранении основ государственного строя неизбежно приводил к демократизации властных отношений, становлению плюрализма и либерализации экономики и общества.

Полагаем, что с точки зрения политологии, данный взгляд на необходимость «смены вектора развития» весьма существенен в понимании смысла дальнейшего формирования «электронного государства»: «создания сети инициаторов перемен в правительстве и обществе» [3, с. 17], инициаторов перехода от модели автономно-разрозненных министерств к интегрированному электронному правительству. Политиками и государственными деятелями делается вывод о том, что аппарат авторитарной модернизации, ее политический и административный состав является тормозом проведения реформ.

Требуется смена ценностей и принципов взаимоотношения власти общества. В государстве с 25 тысячами муниципалитетов,

необходим запуск модернизационных процессов в институциональной среде государственной власти. Административная реформа, приведшая к росту числа чиновников и к дальнейшему повышению расходов на содержание государственного аппарата, по мнению А. Кулика, — не имеющая практических успехов в административной сфере «продолжавшаяся полтора года, забуксовала на подчете 6-й тысячи функций государства, и за два дня до президентских выборов 2004 г. В. Путин поставил точку, объявив, что реформа завершена, и представил обществу новую структуру и состав федерального правительства» [1, с. 2].

Учитывая важную роль государства в разработке направлений политической реструктуризации, сам процесс создания концепции реализации «электронного правительства» в качестве ее составной части реформирования был, по сути, ответом на вызовы, исторически свойственные нашей стране, начиная с объективного влияния на Россию внешней среды, проводимой социально — экономической и политической модернизации и технологических инноваций и заканчивая основополагающими приоритетами национального развития.

Рассматривая политическую реформу как основополагающий фактор модернизации всего российского общества через призму внедрения информационных технологий, необходимо отметить, что нынешняя российская власть стремится войти в число развитых государств мира, преодолев свой периферийный и полупериферийный статус. Преодолевая кризисную парадигму, власть сделала свой выбор в пользу формирования «электронного государства», используя технологии социального партнерства; парламентаризма и переговорного процесса; принятия и реализации политических решений в разрешении политических конфликтов.

Современные требования информационного общества к государственному управлению предполагают обеспечение условий для инновационных изменений управленческой деятельности, межведомственного взаимодействия, высокой информационно-технологической грамотности в использовании программных методов и, соответственно, изменения системы политических отношений, политических ценностей, сути политической деятельности институтов власти. Политическая поддержка процесса разработки государственной политики Российской Федерации в сфере развития информационного общества, информатизации и модернизации управления направлена на преодоление информационного нигилизма в обществе, который препятствует развитию и становлению российского цивилизованного государства.

Список литературы:

1. Кулик А. «Электронное государство» как вызов для отечественной политической науки, Сб.: «Управление государством: Проблемы и тенденции развития» — М.: РОССПЭН, 2008.
2. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России. К обсуждению гипотезы // Политические исследования. 1998. № 2. — С. 43.
3. Петров О.В. Стратегия электронного правительства в России: на пути к эффективному государству, ориентированному на граждан. // Информационное общество. — 2007. — № 1—2. — С. 28.
4. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Официальный сайт Президент России. [Электронный ресурс.] — Режим доступа/ — URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>.

1.3. СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ СУБФЕДЕРАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ: АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СТРАТАГЕМ

Негров Евгений Олегович

канд. пед. наук, доцент СПбГУ, г. Санкт-Петербург

E-mail: negrov2001@mail.ru

Данный доклад посвящен анализу индивидуального дискурса политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России и выполнен на основе гранта № 149/К Института общественного проектирования «Рекрутирование политических лидеров муниципального и регионального уровня в современной России: проблемы оптимизации и повышения общественно-политической эффективности».

Так как проблема дефиниции терминов стоит в русскоязычной политической науке весьма остро, то в начале исследования представляется необходимым в нескольких словах обозначить собственный подход к ключевым терминам данного исследования. Сам политический дискурс понимается нами как исторически и социально обусловленное, хронологически и географически очерченное, количественно и тематически неограниченное кроссжанровое сверхтекстовое пространство, обладающее своей специфической модальностью и способное выступать как «машина порождения» высказываний, также обладающих указанной модальностью. Таким образом, дискурс анализ является исследованием как бы «языка в языке», попыткой прояснить картину мира конкретного продуцента конкретного дискурса [1; 2].

Все интервьюируемые акторы (далее — респонденты) являются представителями исполнительной, законодательной или муниципальной власти, а также общественными или партийными деятелями. Ниже представлена наиболее характерная и показательная информация, полученная в ходе исследования.

Представители исполнительной власти в большинстве своем стремятся позиционировать себя как чиновников, никак не связанных с политикой, классических бюрократов, обеспечивающих беспере-

бойную работу государственного аппарата, и мало зависящих от текущей политической ситуации. Такая позиция позволяет оправдывать отсутствие собственных политических оценок, ставит интервьюируемых «выше этого». В таких случаях индивидуальный дискурс становится технократичным, конкретным, нацеленным на результат. Подчеркивается неизменность основных карьерных стратегий в любой политической системе, выявляются их особенности и приемы, приводится довольно много конкретных примеров из собственного опыта и опыта ближайшего окружения.

Иногда респонденты считают нужным давать оценки политическим событиям и особенностям построения карьеры, но оценивают происходящее немного «со стороны», «экспертно», без излишней собственной рефлексии и позиционирования собственного статуса в сложившейся системе, что выглядит весьма и весьма осознанно.

При ответах, не требующих политических оценок, довольно много иронии и самоиронии — намного больше, чем у представителей законодательной ветви власти или муниципалов. Это вполне можно отнести к особенностям, связанным со спецификой работы в условиях российской бюрократической системы.

У респондентов старше 45 лет прослеживается явное желание дать советы по построению собственной политической и управленческой карьеры молодежи, проявляются менторские нотки. Видно, что респондентам интересно высказать свою позицию, прояснить свои собственные карьерные стратегии. Респонденты рефлексиируют, пытаются структурировать и систематизировать собственный карьерный путь и основные принципы его построения. Здесь индивидуальный дискурс становится откровенным, иногда противоречивым, апеллирующим к здравому смыслу и общеизвестным и общепризнанным примерам с одной стороны, и богатому жизненному опыту, с другой. В части, касающейся карьерных стратегий, респонденты достаточно откровенны, готовы давать конкретные и практические советы с привлечением конкретных примеров из собственного опыта и опыта окружения.

При провоцировании на политические или оценочные суждения довольно много «воды», излишней сложности. Иногда прослеживается желание «заболтать» вопрос, нежелание отвечать на него искренне. Тогда индивидуальный дискурс становится эмоциональным, метафоричным, иногда нарочито сложным, амбивалентным, двусмысленным в своей политической части.

Достаточно интересно проследить декларируемую личную мотивацию прихода в управленческую и политическую

субфедеральную элиту, раскрывающуюся в ходе группового интервью (фокус-группы). Помимо «общих мест», связанных со «служением народу», ярко раскрываются индивидуальные психологические черты, способствующие быстрой кооптации в такую элиту, такие как циничность, высокая работоспособность, лояльность, граничащая с беспринципностью и т. д.

Представители законодательной власти намного откровеннее, чем представители исполнительной. Индивидуальный дискурс живее, откровеннее, но и сумбурней, более противоречив. Много переходов с темы на тему, возвращения к прежним вопросам, «самокопания». При этом «родовая травма» представителей депутатского корпуса проявляется в полной мере — довольно много демагогии, штампов и общих мест, желания «понравиться» потенциальному избирателю. Дискурс становится ретивальным, обращенным к массовому рассредоточенному адресату. Основные приемы представляют собой апелляцию к авторитету (цитирование классиков, ведущих политических деятелей региона и страны) и институциональности собственной позиции. Много отсылок к экономическим и юридическим аргументам и психологическим приемам, отсылающих к детским годам, неизбежной ностальгии по «прежним временам» и т. п. В индивидуальном дискурсе очень много апелляции к тому, что мнение респондента разделяется большинством, «простым народом».

Довольно много респондентов, представляющих законодательную ветвь власти, совмещает законотворческую деятельность с научной. В таких случаях ответы обстоятельные, образные, с примерами из этой самой деятельности и личного опыта. Индивидуальный дискурс жёсткий, достаточно конфликтный, бескомпромиссный. Политические оценки обильны, почти всегда критичны, но аргументированы собственной позицией. Характерно, что один из респондентов (в Санкт-Петербурге) критически относится к самому понятию профессионального политика, настаивает на необходимости прихода в политику состоявшихся в других областях людей, аргументирует свою точку зрения конкретными примерами из общественно-политической жизни региона и страны.

У многих явно присутствует желание именно убедить собеседника, заечь его собственным видением ситуации. Индивидуальный дискурс в таких случаях достаточно резкий, конкретный, обращенный непосредственно к собеседнику. Основные приемы строятся через призму собственного опыта и апелляции к собственным переживаниям и рефлексиям, понимаемым как «общие места», которые «всем известны».

Индивидуальный дискурс «муниципалов» очень образный, многосоставной, но при этом конкретный, ясный и прямой. Виден определенный внутренний стержень, высокий профессионализм в конкретной управленческой деятельности (к примеру, в организации производства). Четко разграничиваются управленческие и политические функции, нет никаких иллюзий по поводу самостоятельности политиков регионального уровня. Политических оценок стараются избегать. Отличие от остальных уровней власти заключается в том, что прослеживается желание оценивать все явления (как карьерные, так и производственные) по результату, а не самому процессу (что для политиков иных уровней — редкость). Видна непосредственная «связь с народом», «работа на земле» — очень много конкретных примеров из бытовой повседневной жизни, при этом налицо и разделение бытующих у электорально значимого большинства общественных и политических мифов и т. д.

Иногда видны сферы, в которые респонденты категорически не хотят никакого внешнего проникновения, «закрываются». Один респондент (в Санкт-Петербурге), в принципе, не воспринимает муниципальное самоуправление в качестве политической деятельности, считает ее синтезом государственной службы и общественной деятельности. Индивидуальный дискурс при этом закрытый, осторожный, подчеркнуто лояльный к выстроенной политической системе, ключевым представителям политической элиты региона. Много апелляции к необходимости поддержки со стороны «людей», «большинства», «горожан», но такая поддержка, по мнению респондента, может достигаться только с помощью региональных властей — как на законодательном, так и на исполнительном уровне. Респонденты четко разделяют внешние политические события (как федеральные, так и местного уровня) и собственные карьерные стратегии, полагают это единственно правильной тактикой. Осознанно осторожны в, собственно, политических оценках, стараются избегать их во всех возможных случаях.

В случае партийных деятелей (обеспечивающих политические и избирательные процессы) ответы очень обстоятельные, полные, искренние, уверенные. Видно желание ответить на вопросы честно, в первую очередь, для самих себя, хотя иногда и видно желание «уговорить», убедить в собственной правоте. Индивидуальный дискурс ясный, внутренне непротиворечивый, создающий впечатление уверенности, ироничный. Много конкретных советов по построению собственной управленческой, профессиональной и политической карьеры, с привлечением конкретных примеров из собственного опыта

и опыта ближайшего окружения. Карьера в предложенной модели представляет собой синтез профессиональных качеств, умения и желания постоянно совершенствоваться и «не стоять на месте», лояльности, удачи и наличия связей на этапе вхождения в истеблишмент.

В случае общественных деятелей их можно разделить на две категории — собственно, общественников, и «политиков». В первом случае ответы обстоятельные, рефлексирующие, искренние, откровенные. Респонденты воспринимают интервью во многом, как передачу опыта, прибегая к соответствующим приемам и тактикам — много апелляции к собственному опыту, конкретных примеров из прошлой и настоящей работы и т. д. Делается упор именно на общественной, а не политической работе. При ответе на сущностные вопросы много конкретных примеров из деятельности возглавляемых организаций. Во втором случае ответы также развернутые, обстоятельные, но зачастую с элементами миссионерства или самолюбования. Так, в Республике Коми респондент пытается донести свои ярко выраженные националистические взгляды до интервьюера всеми возможными способами и приемами — от использования экономической аргументации и статистики (проблема нелегальной миграции, старения населения, демографических проблем и т. д.) до явно демагогических приемов, в стиле «Доколе?!». Индивидуальный дискурс очень образный, метафоричный, зачастую внутренне противоречивый, конфликтный. Для интервьюируемого важно одобрение собственной позиции, наличие большого и растущего числа единомышленников, к которым он довольно часто апеллирует.

Список литературы:

1. Негров Е.О. Трансформация официального политического дискурса в современной России: интенциональный аспект // Миссия интеллектуала в современном обществе. — СПб., 2008. — С. 180—191.
2. Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование. — М.: Аст, 2011.

1.4. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

РОЛЬ И МЕСТО ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ИЗУЧЕНИИ СПЕКТРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ РОССИИ

Кутузова Анастасия Александровна
аспирант ИНИОН РАН, г. Сыктывкар
E-mail: azzazell-x@mail.ru

Как известно, на сегодняшний день существует определенный спектр политических партий и перечень тех показателей и инструментов анализа, позволяющих определить их идеологическую принадлежность или приверженность тем или иным идейным воззрениям. Чаще всего обыватели рассматривают и определяют принадлежность партии той или иной идеологической позиции исходя, в первую очередь, из названия политической партии.

В общественном мнении принято, что если партия называется «Коммунистическая партия Российской Федерации», то и идеология партии содержит только коммунистические идеи, если «Либерально-демократическая партия России» — то партия придерживается только либеральных воззрений. Но в современных реалиях идентификация идеологической принадлежности политической партии исходя из самого названия представляется некорректным исходя из следующих моментов.

Прежде чем перейти к анализу идеологической принадлежности политической партии, необходимо дать определение следующим феноменам.

В работе Т. Ван Дейка «Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction» («Идеология и дискурс. Междисциплинарное представление») отмечено, что идеологии (именно во множественном числе) имеют дело с системами идей, особенно с социальными, политическими или религиозными представлениями, разделяемыми и выражаемыми определенными социальными группами или движениями. Эти представления могут быть позитивными или негативными в зависимости от того, какую точку зрения разделяем мы сами или же в зависимости от того, принадлежим ли мы к группе, которая выражает данные идеи и воззрения [4].

Системы представлений о мире не только придают смысл окружающим реалиям, не только помогают воспринимать и понимать мир, но также являются основой для определения активной социальной позиции и социальных действий, как отдельного человека, так и целой группы. Идеология представляет собой относительно систематизированную совокупность взаимосвязанных идей и представлений, концепций и доктрин как об устройстве и принципах функционирования общества, так и о способах достижения целей, отвечающих интересам родоначальников этих идей состояния общества, которые создают основы для организации и деятельности социума [1].

В рамках определенного сообщества формируются общие понятия о плохом и хорошем, о причинах и следствиях того или иного события (здесь мы наблюдаем начало формирования общего / коллективного сознания). Наличие общих, коллективных понятий и образов приводит, с одной стороны, к улучшению взаимопониманию, четкости коммуникативного процесса между членами сообщества.

Восприятие и использование наиболее распространенных в обществе идей, их трансформация и приспособление к имиджевой позиции политической партии — наиболее часто используемый инструмент привлечения внимания общественности к самой политической партии. Особенно эффективно использование общих, хорошо знакомых, простых и удобных для общественного понимания и восприятия идей.

В текстах общественных и политических мыслителей, политиков часто присутствуют понятия, претендующие на привлечение и проведение определенных политических установок, их внедрение в сознание людей, дальнейшее влияние на них и использование. Подобные понятия являются фундаментальными. К ним относятся понятия «справедливость», «правда», «общественное благо», «общее благо», «общественный интерес», «общий интерес».

Определение блага в рамках политической общественной коммуникации позволяет либо дискредитировать существующий строй и создать собственный круг сторонников, либо поддержать строй, показывая, как центральный курс реализует понятие общего блага и общего интереса. Интерпретация данного феномена, наполнение его определенным смыслом той или иной политической партией предопределяет наличие огромного спектра значений, вкладываемых в определенный концепт.

Довольно часто при изучении политического или иного феномена исследователи ориентируются на узкие рамках количественных и качественных показателей, которые лежат на поверхности полити-

ческой действительности. Необходимо отметить тот факт, что зачастую, используемые политической партией идеологические понятия не совпадают с официально пропагандируемой идеологической позицией партии. Коммунистическая партия придерживается либеральных позиций, консервативная партия — коммунистических и социалистических идей и т. д. Говоря об общем, общественном или национальном благе, политическая партия может оперировать понятиями, заключая в них одновременно элементы целого спектра идеологических представлений.

Проблема заключается в поверхностном использовании инструментария для рассмотрения коммуникативного поля политической партии. В данном случае, в перечень объектов для изучения входят не только политическая платформа, официально принятая политическая программа партии, но также и выступления, высказывания, действия представителей политической партии, которые входят в общее коммуникативное поле субъекта политического взаимодействия, то есть в дискурсивное поле (поле политического дискурса).

Как таковой дискурс представляет собой комплексный феномен, состоящий из языковой формы, значения и действия, которое может быть охарактеризовано при помощи понятий «коммуникативный акт», «коммуникативное действие». Само по себе дискурс предполагает интерпретацию, под которой понимается когнитивный процесс и одновременно результат в установлении смысла речевых и неречевых действий [3].

Посредством интерпретации дискурса реципиентом создается мысленный мир, в котором описывается реальное и желаемое положение вещей. В этом мире находятся характеристики действующих лиц, объектов, событий и их обстоятельств, а также домысливаемые детали и оценки. Как правило, политический дискурс оказывается в специфических отношениях с объектами социальной действительности. Любой коммуникативный акт, принадлежащий политическому дискурсу, направлен не к личности, а к общественности. Общая направленность ценностного восприятия, система интерпретации основных понятий, наиболее часто используемая в том или ином сообществе, определяют тематику, выбор языковых средств и основные параметры языкового поведения акторов политического пространства. Как отмечает Т.А ван Дейк, так называемые «фреймовые репрезентации оценочных представлений о социальных явлениях, структурах или проблемах» являются отражением национально-культурной спецификой политического дискурса [2, с. 132].

При коммуникации задействуется когнитивная база определенного сообщества, анализ которой предполагает более успешное использование дискурсивных инструментов. Когнитивная база представляет собой структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного лингво-культурного сообщества. Ее формируют не столько представления как таковые, сколько инварианты (существующих и возможных) о тех или иных феноменах.

В исследованиях идеологической принадлежности политической партии необходимо следовать определенным условиям. В частности, при рассмотрении идеологической идентификации политической партии при помощи такого феномена, как «общее благо», необходимо определить первоначальное значение концепции «общего блага» для консерватизма, либерализма и т. д., в дальнейшем учесть специфику условий зарождения, развития и жизнедеятельности политической партии и т. д.

Коммуникация, коммуникативный акт и коммуникативное событие как объекты исследования позволяют расширить понятийный и исследовательский аппарат, вовлечь в исследовательский процесс дополнительные факторы.

Использование дискурса стало привычным сегодня в рамках политического взаимодействия. Дискурс является не только полем борьбы различных политических сил, но также и регулятором политической активности и идейной направленности.

Список литературы:

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // www.auditorium.ru/aud/conf/conf44.
2. Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
3. Демьяненко В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // www.auditorium.ru/aud/conf/conf44.
4. Dijk, Teun A. Van. Ideology and Discourse. A Multidisciplinary Introduction. (English version of an internet course for the Universitat Oberta de Catalunya (UOC). July 2000 // <http://www.discourses.org/download/books/>.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ДИНАМИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АСИММЕТРИЧНЫХ МАТРИЦ СХОДСТВА/РАЗЛИЧИЯ: ВАЛИДИЗАЦИЯ НА МОДЕЛЬНЫХ ДАННЫХ

Бабич Николай Сергеевич

*канд. социол. наук, научный сотрудник Института социологии РАН,
г. Москва*

Батыков Иван Владимирович

*канд. социол. наук, научный сотрудник Института социологии РАН,
г. Москва*

E-mail: mihkost@mail.ru

Большинство алгоритмов многомерного шкалирования рассчитаны на использование симметричной матрицы близостей (сходств или различий), в которой выполняется условие равенства расстояний между точками, независимо от направления перехода $d(a,b)=d(b,a)$. Однако существует множество ситуаций, когда это условие нарушается. Сюда относятся социометрия, исследования товарооборота между странами, взаимного цитирования, социальной мобильности, переключения между брендами и т. п. Очевидно, что различия в цитировании друг друга парой научных журналов могут нести важную информацию об относительном статусе этих журналов. Таким образом, специальное изучение асимметрии дистанционных матриц представляет интерес, по крайней мере, в случае неравноправных социальных отношений. В связи с этим, был предложен ряд моделей асимметричного многомерного шкалирования, обзор которых представлен, например, в работе [Cox & Cox, 2001]. В данной работе будет предложена очень простая интерпретация

асимметричных матриц, позволяющая применять к ним классические алгоритмы неметрического многомерного шкалирования. На модельных данных будет показана валидность этой интерпретации.

Предположим, что асимметрия расстояний возникает из-за неоднородности пространства, в котором они измеряются. Это легко себе представить на примере машины, едущей в гору (рис. 1).

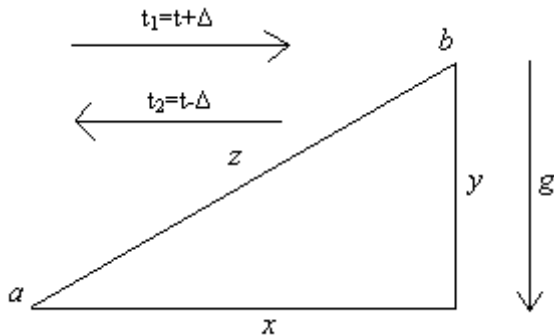

Рисунок 1. Пример неоднородного пространства

Для того чтобы преодолеть расстояние x , ей необходимо затратить время $t(x)$, причем $t(x(a,b))=t(x(b,a))$. Но, в случае движения автомобиля по наклонной плоскости, при одинаковой силе тяги, $t(z(a,b))>t(z(b,a))$. Поскольку в измерении y действует гравитационное поле. Если бы мы захотели использовать время прохождения пути z в качестве меры расстояния между a и b , то получили бы асимметричную матрицу из двух элементов t_1 и t_2 . Первый из них превосходил бы второй, поскольку $t_1=t+\Delta$, а $t_2=t-\Delta$, где t — это время прохождения без учета силы тяжести, а Δ — поправка на эту силу. Очевидно, что $t=(t_1 + t_2)/2$, а $\Delta=(t_1 - t_2)/2$. Это соответствует разложению матрицы расстояний на симметричный и несимметричный компоненты (оба из которых являются симметричными матрицами), предложенному в работе [Constantine & Gower, 1978]. Очевидно также, что Δ монотонно связана с расстоянием y , а t — с расстоянием x . Из этого следует, что симметричный компонент может быть подвергнут неметрическому многомерному шкалированию, и аналогичную процедуру можно осуществить с асимметричным компонентом. Получившиеся во втором случае измерения могут быть интерпретированы как пространство, в котором действуют силовые поля.

Предлагаемый нами подход можно резюмировать следующим образом:

1. Необходимо разложить асимметричную матрицу на симметричный и несимметричный компоненты.
2. Подвергнуть симметричный компонент многомерному шкалированию с помощью одного из неметрических алгоритмов.
3. Подвергнуть несимметричный компонент многомерному шкалированию с помощью одного из неметрических алгоритмов.
4. Совместить результаты шкалирования симметричного и несимметричного компонентов в одном пространстве.
5. Интерпретировать измерения симметричного компонента как свободные от силовых полей, несимметричного компонента — как динамические измерения.

Для того, чтобы проверить валидность предложенной интерпретации, расширим наш простой пример с двумя точками. На рисунке 2 представлен путь, который необходимо преодолеть автомобилю при движении из пункта 1 в пункт 10 и обратно. Начальная скорость автомобиля в каждой точке равна нулю.

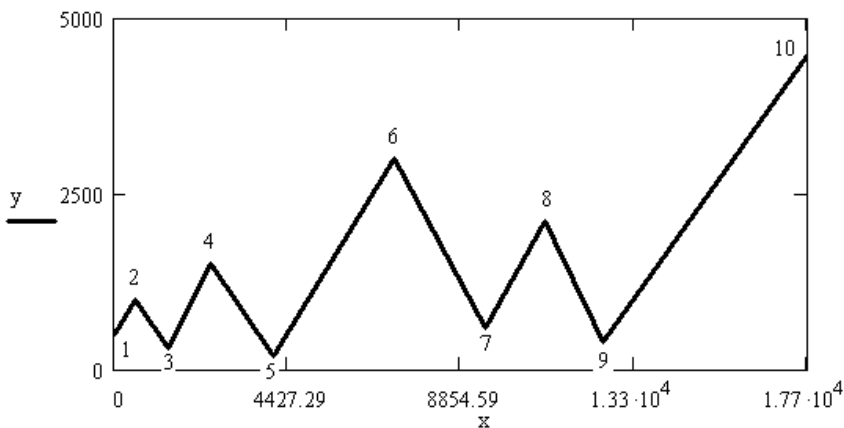

Рисунок 2. Неоднородное пространство с множеством точек

Углы склонов, обозначенные на рисунке, составляют соответственно, 43° , -40° , 48° , -39° , 42° , -46° , 45° , -49° , 38° . Высоты точек равны 500, 1000, 300, 1500, 200, 3000, 600, 2100, 400 и 4500 метров. Масса автомобиля $m=1500$ кг, сила тяги $F=15 \cdot 10^3$ Н, $g=9,82$ м/с². Согласно второму закону Ньютона, ускорение при подъеме вычисляется по формуле

$$a = \frac{F}{m} - g \cdot \sin(\alpha)$$

ускорение при спуске по формуле

$$a = \frac{F}{m} + g \cdot \sin(\alpha)$$

Время, затрачиваемое на прохождение одного склона, определяется следующим образом:

$$t = \frac{-V_{\text{нач}} + \sqrt{(V_{\text{нач}})^2 + 2 \cdot s \cdot a}}{a}$$

где s — длина склона.

Произведя вычисление времени прохождения автомобиля между всеми точками в одну и другую сторону, мы получили асимметричную матрицу временных затрат:

Таблица 1.

Асимметричная матрица временных затрат

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	0	21,1	32,6	67,2	83,2	132,6	152,4	189,6	205,7	263,7
2	9,4	0	11,6	46,1	62,1	111,5	131,3	168,5	184,6	242,7
3	33,7	24,3	0	34,6	50,6	100	119,7	157	173,1	231,1
4	47,3	38	13,7	0	16	65,4	85,2	122,4	138,5	196,5
5	80,2	70,9	46,6	32,9	0	49,4	69,2	106,4	122,5	180,6
6	102,7	93,3	69	55,4	22,5	0	19,8	57	73,1	131,2
7	150,4	141	116,7	103	70,1	47,7	0	37,3	53,3	111,4
8	166,2	156,8	132,5	118,9	86	63,5	15,8	0	16	74,1
9	207,9	198,5	174,2	160,6	127,7	105,2	57,5	41,7	0	58
10	236,7	227,3	203	189,4	156,5	134	86,4	70,5	28,8	0

Проанализируем эту таблицу с помощью предложенного выше подхода. Для этого разложим матрицу на симметричный и асимметричный компоненты. По отношению к каждому компоненту используем алгоритм неметрического многомерного шкалирования ALSCAL, реализованный в пакете SPSS 11.5. В настройках программы зададим простую евклидову модель и ординальный уровень измерения. Размерность пространства в каждом случае определим равной единице (поскольку мы знаем, что это истинная размерность).

Зададимся дополнительными критериями оценки соответствия полученного решения исходным данным. Поскольку мы моделируем неоднородное пространство, первое требование, которому должен удовлетворять результат обработки — сохранение структурных особенностей этой неоднородности. То есть, на графике многомерного шкалирования должны быть четко различимы возвышенности и провалы, которые есть на модельном графике. Необходимо, чтобы сохранились отношения между точками, находящимися на одном склоне: вершина холма должна остаться вершиной, а подножие — подножием. Неоднородность пространства социальных объектов обычно формирует какую-то их иерархию. Поэтому второй дополнительный критерий — соотношение высот холмов.

В таблице 2 представлены координаты точек, выведенные из матриц симметричного и несимметричного компонентов.

Таблица 2.

Координаты точек в двух измерениях

№ точки	Симметричный компонент	Асимметричный компонент
1	-1,3	-0,9
2	-1,2	0
3	-0,9	-1
4	-0,6	0,7
5	-0,3	-0,7
6	0,1	1,5
7	0,5	-0,8
8	0,8	1
9	1,2	-1,1
10	1,7	1,3

На рисунке 3 на основе этих координат изображен путь, восстановленный с помощью данных о времени прохождения автомобиля между точками.

Для обеих матриц Stress и S-Stress оказались меньше одной тысячной, а коэффициент RSQ достиг единицы. Это говорит о высоком качестве полученной модели, но не является важным критерием, поскольку исходные данные имели физическую природу, а значит, обладали высоким качеством изначально. Гораздо более существенным представляется тот факт, что в решении полностью сохранена структура неоднородности пространства, иными словами, долины остались долинами, а холмы — холмами. В то же время, иерархия вершин оказалась несколько изменена: самая высокая, десятая точка стала лишь второй по высоте. Но, поскольку остальные вершины сохранили свой порядок, а нижние точки как были, так и остались примерно на одном уровне, интерпретация полученного решения не сильно отличалась бы от интерпретации истинного исходного пространства.

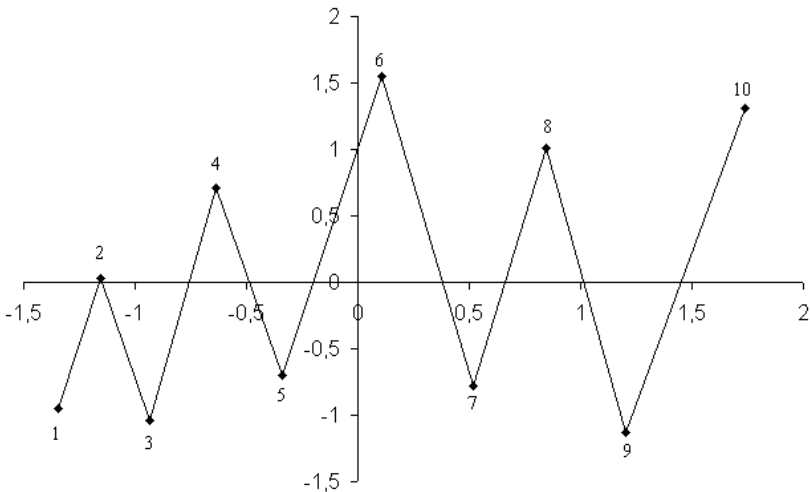

Рисунок 3. Неоднородное пространство с множеством точек, восстановленное по асимметричным данным

Итак, можно говорить о формальной корректности предложенного нами динамического подхода к интерпретации асимметричных матриц близости. Этот вывод открывает некоторые новые возможности использования многомерного шкалирования в разработках, следующих в русле так называемой «теории поля», которая связывает концепцию социального пространства с концепцией социальных сил [1].

Список литературы:

1. Martin J.L. What Is Field Theory? *American Journal of Sociology*, 2003, 109 (1): 1—49.
2. Constantine, A.G. & Gower, J.C. Graphical representation of asymmetric matrices. *Journal of the Royal Statistical Society: Series C (Applied Statistics)*, 1978, 27 (3): 296—303.
3. Cox T.F. & Cox M.A. A. *Multidimensional scaling* (2nd ed.). Boca Raton, FL: Chapman & Hall/CRC, 2001.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

УПРАВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВОМ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Королёва Эльвира Владимировна

*канд. социол. наук, Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса, доцент кафедры Государственного
и муниципального управления Института права и управления,
г. Владивосток
E-mail: lotos08@mail.ru*

На сегодняшний день бытует много точек зрения, каким коллективом легче управлять мужским или женским. В рамках одной статьи конференции немного сложно рассмотреть разнообразные модели управления людьми и учесть все нюансы их деловых взаимоотношений, с учетом всех основ и законов социологии и психологии управления коллективом.

В данной работе будет представлена в сжатом варианте одна модель управления людьми, самая распространенная, когда мужчина является руководителем женского коллектива.

Такая иерархическая структура является наиболее типичной и приемлемой для людей по ряду причин. Исторически сложилось так, что еще на этапе формирования гендерных взаимоотношений в коллективе, коими являлись на заре становления человечества племя или род, властные полномочия концентрировались в руках вожака. Им мог стать только мужчина, наделенный особыми природными качествами, резко отличавшими его соплеменников. В науке такой тип лидерства получил название «харизматичный». Ему присущи следующие черты: решительность, бесстрашие, независимость, самостоятельность в принятии решений. Помимо лидерских качеств к ним дополняется целый список физиологических. К ним можно отнести красивое телосложение, выносливость, отличное здоровье.

К данному типу мужчин также подходит характеристика альфа-самцов. Как отмечает А. Дудко «...в этологии, по порядку доминирования в стае, особей принято обозначать буквами греческого алфавита, от альфа до омега. Буквой альфа обозначается особь, занимающая доминирующее положение. Альфа-самец выполняет обязанности вожака и защитника стаи. Он также является наиболее

привлекательным для самок в брачных играх, часто приходится отцом большинства детей. Есть предположение, что они занимают лидирующую позицию в силу своей агрессивности, силы или каких-то иных врожденных качеств» [1].

Врожденные качества мужчины определяли и его место в племени. Об этом подробно написано в книге Олега Новоселова «Женщина. Учебник для мужчин» Мы коснемся лишь качеств лидера племени. Так О. Новоселов пишет, что «...в инстинктивной прошивке самца сформировались три основных программы, включающихся в зависимости от его положения в иерархии. Инстинкт вожака — набор инстинктивных программ, позволяющих вожаку управлять стадом, контролировать ситуацию. Здесь и повышенная конфликтная устойчивость, и высочайшая уверенность в себе, и властная интонация, и способность манипулировать отдельными особями и группами. В инстинкт вожака включается также и ответственность. Вожак бдительно следит за обстановкой, поднимает тревогу в случае опасности и защищает свое стадо, возглавляя отряд самцов. Вожак чувствует стадо как продолжение своего организма. Воспринимает его как часть себя. Когда вождь слабеет, самый сильный из среднеранговых занимает его место, и у него включается инстинкт вожака» [2].

Впоследствии различные религии внесли свою лепту в становлении социологии управления, где женщинам также отводилась второстепенная роль. Хотелось бы сразу оговориться, автор не ставит целью дискредитировать религиозные догматы, целью является показать путь становления модели мужчина-руководитель, женщины-подчиненные.

Остановимся кратко на постулатах основных религий. Как отмечают Л.Э. Семёнова, В.Э. Семёнова «...согласно священным буддистским текстам, женщина и мужчина в целом признаются равноправными. Однако, что касается сфер высокой духовности, существует негласная традиция, закрепляющая эти области за мужчинами, тогда как удел женщины — прежде всего семья, забота о хлебе насущем. Как гласит легенда, сам Гаутама категорически возражал против того, чтобы женщины вставали на путь посвящения и становились монахинями, поскольку им не под силу следовать аскетическим ограничениям монашеской жизни. Не случайно в своих молитвах буддистские мужчины благодарят судьбу за то, что не родились женщинами, подтверждая подобными благочестивыми «исповеданиями» наличие женской дискриминации» [3].

Как правильно подметила В. Суковатая «...до середины XIX века подавляющая часть научных и теологических исследований велась

с дофеминистских позиций, базирующихся на утверждении того, что женский опыт не имеет отношения к интеллектуальной и духовной сферам, которые являются миром мужчин, «закрытым» для женщин. Библия, Коран, Веды, Тора и другие священные тексты, создававшиеся нарраторами-мужчинами в системе патриархатных представлений, отражали патриархатные взгляды и установки, канонизация которых в виде цитат, откровений, представлений, т. д. способствовала укоренению патриархата в культуре и оправдания его с позиций духовного авторитета. Слово Священного писания служило обоснованием существующему неравенству женщин, вне зависимости о каких женщинах шла речь — черных, белых, мусульманских, иудейских или христианских. Традиционные религии разных стран сыграли немаловажную роль в формировании гендерных стереотипов, дискриминирующих Женское на фоне Мужского» [4].

Исходя из того, что религиозные догматы занимали доминирующие положение по отношению к другим общественным институтам, то соответственно, нарушать и не повиноваться им было нельзя. Это могло стоить жизни человеку. Поскольку женщины, по природе своей более боязливые, дисциплинированные, терпеливее, то и никто из них, на протяжении многих веков, и не заявлял о смене своей социальной роли, которая выражалась в прямом подчинении мужчине.

Впоследствии на генном уровне передавалось от женщины к женщине её второстепенная социальная роль, зависящая только от желаний и повелений лиц противоположного пола.

Прошло много веков, но традиционная схема управления, где мужчина начальник, а женщина его подчиненный, остается до сих пор. Считается, что женщине отведена экспрессивная сфера деятельности, а мужчине инструментальная. Он выступает в роли творца, она исполнитель его идей.

При всей распространенности, частично вышеисследованной модели управления, её нельзя назвать универсальной и наиболее приемлемой в современном мире, поскольку на формирование служебных отношений, выстраивание субординации в подобном коллективе влияет целый перечень социально-психологических факторов, которые нельзя не учитывать. Мы здесь не будем касаться вопроса о равенстве между полами, о конституционных правах мужчин и женщин, речь пойдет о тех аспектах, которые влияют на создание полноценного, качественного, имеющего высокие результаты в работе, коллектива. Остановимся лишь на некоторых аспектах, которые необходимо учитывать руководителям в схеме управления, где мужчина начальник, а женщины подчиненные:

- возраст начальника и подчиненных ему женщин;
- национальный состав коллектива;
- форма собственности предприятия;
- социально-психологический климат в коллективе.

На каждом разделе остановимся немного поподробнее.

1. Возраст начальника и подчиненных ему женщин.

Материнский инстинкт женщины имеет огромный радиус действия. Он не только распространяется на своих родных детей, но и на всех тех, кто младше возрастом. В деловом мире он тоже имеет место быть. Женское покровительство не всегда имеет границы. Несмотря на то, что женщина-сотрудница сама постоянно нуждается в защите и заботе, ей не избежать врожденных инстинктов материнства, как бы она их не пыталась скрыть. В схеме управления, где начальник молодой человек, а женщины-подчиненные старше его, возможно схема взаимоотношений няnek и ребенка. Это не означает, что начальник будет мягкотелым, слабым, беззащитным и не будет плодотворно и качественно исполнять свои обязанности руководителя, боясь обидеть своих мам. Его профессиональное мастерство, наоборот, проявляется на высоком уровне. Он чувствует и ощущает поддержку, а она очень важна для каждого человека. В такой схеме управления, мужчина выполняет две роли, с одной стороны он защитник, наделенный всеми качества бойца, с другой стороны, он взрослый сын. Если мужчина в роли взрослого сына правильно понимает и оценивает свою социальную функцию, как человека, способного защитить свою мать, то в коллективе он не будет слабым маменькиным сыночком, наоборот, он приложит все усилия, чтобы его подчиненные не чувствовали себя не нужными, ничемными сотрудниками. Старания подобного руководителя будут направлены на создание всех оптимальных условий для слаженной работы коллектива.

Конечно, очень многое будет зависеть и от характера самого начальника, но ещё, ни один мужчина не отказывался от проявления заботы со стороны взрослой женщины. Здесь важно не переступить границы обоим сторонам. Излишняя забота со стороны мам, также не совсем правильна. В тоже время, сверх покладистость начальника-сына, может дать повод для манипуляции, со стороны подчиненных, а это недопустимо на рабочем месте. Из психологии известно, что женщина, а особенно мать, является прекрасными управителями-манипуляторами. Они все это могут делать как изящно, хитро и незаметно, так, и открыто заявлять о своих амбициях и требованиях. В арсенале у женщины, на этот счет, много припасено уловок, способов, приемов. Пользоваться она может этим очень умело, даже

не имея особого психологического образования. В ней это заложено самой природой.

Одним из страшных последствий манипуляции является агрессия. Существует много воззрений по поводу различий в проявлении особого агрессивного социального поведения среди мужчин и женщин. Одни исследователи отстаивают точку зрения, что женщины более агрессивны, другие наоборот утверждают, что это не так и стоят на защите агрессивности противоположного пола. Если исходить из позиции эволюционного подхода к природе агрессии человека, то особых противопоставлений мы не найдем, поскольку считается, что агрессия, является врожденным качеством абсолютно любого индивида. Она не выбирает в кого вселиться в мальчика или в девочку, она есть у обоих. Для нее нет гендерных, этнических, конфессиональных различий.

И все-таки, как показывают различные эксперименты и наблюдения определенная разница в гендерной агрессии существует. По мнению Р. Бэрона и Д. Ричардсона «...гендерные различия в агрессии наиболее заметны в физических формах агрессии, а также в ситуациях, когда к агрессии вынуждены обратиться (например, из-за исполнения определенной социальной роли), в отличие от ситуаций, когда к ней прибегают без всякого принуждения. Склонность мужчин демонстрировать более высокие уровни агрессии более очевидна после сильной провокации, нежели при ее отсутствии. Мужчины и женщины также отличаются своими установками относительно агрессии. Мужчины, как правило, в меньшей степени испытывают чувство вины и тревоги. Напротив, женщины, более обеспокоены тем, что агрессия может обернуться для них самих, например, возможностью получить отпор со стороны жертвы. Женщины рассматривают агрессию, как экспрессию — как средство выражения гнева и снятия стресса путем высвобождения агрессивной энергии. Мужчины же, напротив, относятся к агрессии как к инструменту, считая ее моделью поведения, к которому прибегают для получения разнообразного социального и материального вознаграждения. Мужчины более склонны прибегать к прямым формам агрессии, а женщины предпочитают пользоваться косвенными действиями, которые наносят вред противнику окольным путем [5, с. 221].

Доверие к старшим, это один из крючков на который может быть посажен руководитель-мужчина. Во всех культурах принято считать, что взрослые всегда правы, их мнение безапелляционно, младшие члены семьи не могут оспаривать и игнорировать высказывания

родителей. Культурные традиции надо уважать, но когда они вмешиваются в управленческий процесс, здесь необходимо им давать отпор. Старшие члены коллектива, зная своё преимущественное положение, из добрых побуждений могут нанести вред производственным процессам. Внушить доверие начальнику женщинам-подчиненным не составляет труда. Если, однажды, к её мнению прислушались, и исполнили, как она сказала, то сотрудница будет искать любой способ и повод в предоставлении своих житейских советов. Главное, не дать её активности перейти границы дозволенного. Есть опасность, что она постепенно начнет продвигать свои наставления всё чаще и чаще.

Несмотря на все нюансы вышеописанной схеме, подобный коллектив достаточно эффективен в исполнении своих должностных обязанностей. Коэффициент полезного действия от результатов выполняемой работы будет тоже высоким.

2. Национальный состав коллектива. В любом, межэтническом коллективе возникает много сложностей и противоречий в становлении и формировании деловых контактов. Всегда будет сбавывать сравнительная схема «мы» т.е. представители одного этноса, как правило, с набором «хороших» качественных характеристик, и другие имеющие крайне противоположные «плохие» черты. Рабочие отношения значительно отличаются от тех, где сотрудники являются представителями одной национальности. Однозначно, в таких схемах необходимо учитывать национальный характер мужчины-начальника и его подчиненных.

Как отмечает В. Крысько «...многонациональный коллектив, обладая всеми важнейшими характеристиками развитой группы, требует в то же время особого внимания со стороны руководителя и с точки зрения регулирования существующих в нем взаимоотношений между представителями различных этнических общностей. Для многонациональных коллективов характерна активность межэтнического общения, обусловленная формированием их по территориальному признаку, комплектованием из традиционно проживающих в конкретных местностях национальностей, привыкших к постоянным контактам друг с другом, взаимно уважающих традиции, привычки, нормы поведения одна другой. В то же время сфера подобных межнациональных отношений в этих коллективах находится в постоянном развитии, может в зависимости от обстоятельств в большей или меньшей степени трансформироваться» [6].

Многонациональный коллектив более подвержен психологическому напряжению, конфликтам и разногласиям, и причиной тому

будет этнические расхождения в понимании решения рабочих процессов и задач.

3. Форма собственности предприятия. Как правило, на государственной и муниципальной службе отношения более формализованные, чем на негосударственных предприятиях и организациях. На службе практически стираются и нивелируются гендерные различия. Все должны действовать согласно инструкции и занимаемой должности. В таких коллективах преобладает и четко соблюдается субординация между начальником и его подчиненными. Здесь отношения определяются иерархией, а не полом или возрастом.

В компаниях с маленькой численностью, отношения близки к семейным. В подобных «семейных» коллективах, начальник-мужчина более подвержен эмоциональным женским всплескам. До определенного момента он вынужден реагировать на капризы женского коллектива. Если вовремя не прекратить поддаваться влиянию женским капризам, то есть вероятность, что они будут неофициально управлять им. Всё зависит от персоны самого начальника. За ним должно всегда стоять последнее слово, а не за импульсивной особой.

4. Социально-психологический климат в коллективе. Работоспособность организации во многом зависима от социально-психологического климата. Он находит свое выражение и в степени удовлетворенности сослуживцами стиля руководства.

Социально-психологический климат — это целостное духовное состояние группы (организации), относительно устойчивый и типичный для нее эмоциональный настрой, отражающий реальную ситуацию деятельности и характер межличностных отношений. Это условие эффективной (неэффективной) деятельности любой социальной организации, занимающей определенное место в системе общественного разделения труда [7, с. 120].

Как правильно заметил В. Новочадов «...Женщины чаще, чем мужчины, проявляют чувствительность к психологическому климату в коллективе и стремление работать в психологически комфортной для себя атмосфере. Приходя на новую работу, женщины обычно пытаются сначала установить эмоциональные связи с коллегами и только после этого полностью включаются в трудовой процесс. Удовлетворенность отношениями в коллективе становится при этом одним из основных факторов, определяющих удовлетворенность женщин трудом в целом. Иногда этот фактор начинает перевешивать все остальные: даже если на работе недостаточная зарплата и ограничены перспективы роста, но сложились хорошие

отношения в коллективе, женщины реже мужчин стремятся сменить место работы. Именно этот фактор обеспечивает заполнение вакантных мест в бюджетных организациях, в которых на самых низкооплачиваемых должностях работают в основном женщины. Руководителю необходимо учитывать фактор совместимости членов женского коллектива, стремиться поддерживать со всеми равные отношения, уметь найти две-три минуты, чтобы поинтересоваться настроением, делами дома и прочими «несущественными вопросами» (что нередко с трудом дается руководителям-мужчинам)» [8].

Один психолог сравнил женский коллектив с автомобилем «...женский коллектив как автомобиль. У хорошего владельца он всегда в отличном рабочем состоянии: каждый винтик крепко держится на своем месте, никакого шума при езде не возникает. У плохого хозяина в автомобиле периодически отказывает то одна деталь, то другая, и приходится принимать меры. Конечно, жизнь в женском окружении намного сложнее, чем отношения машины с водителем. Чтобы успешно работать с женщинами, мало просто называться руководителем, надо быть им. Научиться управлять женщинами можно. Некоторым мужчинам это доставляет удовольствие, а женщины под руководством сильного пола чувствуют себя более уверенными и защищенными» [9].

В рамках одной статьи невозможно подробно было учесть все нюансы управленческого процесса. Подводя итог, хотелось бы отметить, что коллектив, это живой организм, который требует постоянной каждодневной работы, со стороны всех участников деловой жизни организации. Нельзя признать, какую-либо управленческую схему наиболее идеальной и приемлемой, всегда будут возникать сложности в создании делового баланса сил между сотрудниками. Эффективный руководитель должен чувствовать дух коллектива, максимально отвечать всем требованиям начальника, который способен, несмотря на все сложности в формировании отношений разнополого коллектива, уметь одержать верх над эмоциями и принять эффективное самостоятельное управленческое решение руководствуясь разумом.

Список литературы:

1. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия — СПб.: Издательство «Питер», 1999 — 352 с.
2. Дудко А. Кто такой Альфа-самец? [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.system-psiholog.livejournal.com/28127.html> (дата обращения 18.09.2012 г.).

3. Иголкина И.Н. Мужчина-руководитель в женском коллективе // Финансовый справочник бюджетной организации. — 2009. — № 3 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gosfinansy.ru/journal/3835/48250/> (дата обращения 7.10.2012 г.).
4. Крысько В. Этническая психология. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/krusko/05.php (дата обращения 1.10.2012 г.).
5. Новоселов О. Женщина. Учебник для мужчин. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.lib.rus.ec/b/191337/read> (дата обращения 10.09.2012 г.).
6. Новочадов В. Гендерные аспекты руководства коллективом. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.proteu.ru/230606_article_4.php (дата обращения 1.10.2012 г.).
7. Семёнова Э., Семёнова В.Э. Образ женщины в религиях мира. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.gender.ru/pages/resources/catalogue/index> (дата обращения 14.09.2012 г.).
8. Суковатая В. Гендерный анализ религий и феминистская теология: к постановке проблемы. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.giacgender.narod.ru/n2t1.htm> (дата обращения 14.09.2012 г.).
9. Фененко Ю.В. Социология управления: учебник для студентов вузов, обучающихся по социально-гуманитарным специальностям / Ю.В. Фененко 2-е изд., перераб. и доп. — М.:ЮНИТИ-ДАНА, 2011—215 с.

АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ С НАСЕЛЕНИЕМ НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Мальцева Наталья Владимировна

студент 4 курса, НИ ИрГТУ, г. Иркутск

E-mail: natka-m@inbox.ru

Ринчинова Альбина Бургутовна

*канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальной работы,
преподаватель кафедры социологии и социальной работы, г. Иркутск*

E-mail: albinarinch@mail.ru

Актуальность темы исследования можно объяснить тем, что все большее внимание уделяется вопросам, касающимся взаимоотношений органов государственного и муниципального управления с населением и обществом в целом.

Органы государственной и муниципальной власти выступают ответственными за соблюдение интересов, как государства, так и общества. Народ — носитель суверенитета и источник власти в России, которую он имеет право осуществлять через органы государственной власти, отсюда следует, что органы государственной власти в нашей стране не только являются представителями политической сферы жизни, но и являются ответственными за соблюдение общественных интересов своих граждан.

Функционирование государства не может быть успешным без участия и деятельности его граждан. В процессе непрерывного систематического взаимодействия государства и общества происходит согласование интересов обеих сторон, что обеспечивает постоянную неразрывную связь государственных органов с общественностью.

Цель исследования — проанализировать взаимодействие органов государственной власти с населением на примере деятельности Администрации Губернатора Иркутской области.

Задачи исследования:

1. Выявить формы взаимодействия Администрации Губернатора и Правительства Иркутской области с населением.
2. Проанализировать динамику поступления обращений граждан в Администрацию Губернатора Иркутской области.
3. Определить тематические приоритеты обращений граждан.

Объектом исследования выступает процесс взаимодействия органов государственной власти с общественностью.

Предметом исследования являются способы осуществления взаимодействия органов государственной власти с общественностью на примере деятельности Администрации Губернатора Иркутской области.

В ходе данного исследования применялись методы сравнительного и системного анализа данных.

Исследования, касающиеся формирования взаимоотношений между органами государственной власти и населением могут помочь выявить немаловажные проблемы, возникающие в данной сфере отношений. Наиболее важной из них является проблема формирования гражданской активности в обществе. Ведь чем выше гражданская активность, тем государство ближе к идеалу — правовому государству.

Через свои обращения в ОГВ граждане страны могут защищать свои права, а так же выражая свою гражданскую позицию, участвовать в управлении государством. Обращения граждан — это средство обратной связи, способ осуществления влияния народа на принимаемые государственной властью решения.

Нами было проведено исследование на тему «Взаимодействие Администрации Губернатора Иркутской области с населением» в ходе которого выяснилось, что каждый год в адрес Губернатора и Правительства Иркутской области поступает около 12—13 тысяч обращений. Среди них различные заявления, жалобы и предложения. За период с 01.01.2012 г. по 31.03.2012 г. зарегистрировано 3358 обращений, поступивших на имя Губернатора Иркутской области и в адрес Правительства Иркутской области, а также из Администрации Президента Российской Федерации и других органов исполнительной государственной власти Российской Федерации. Губернатором Иркутской области в 2011 году было получено около 12 тысяч различных обращений граждан, это на 15 процентов больше, чем в 2010 году [2].

Исходя из того, что население Иркутской области составляет 2,5 миллиона человек, это достаточно хороший показатель уровня гражданской активности.

Тематические приоритеты по рассмотренным обращениям за прошедший 2011 год распределились следующим образом: вопросы по проблемам ЖКХ 34 процента, социальная сфера 31 процент, вопросы, касающиеся экономических проблем 19 процентов, общество и политика 8 процентов, вопросы безопасности 9 процентов [2]. Анализируя тематику обращений граждан можно выявить наиболее проблемные сферы в социально-экономическом процессе общества. Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что в регионе наиболее актуальными являются вопросы по проблемам ЖКХ

и социальной сферы, следовательно, органам государственной власти Иркутской области необходимо уделять более пристальное внимание данным вопросам.

В 2011 году по сравнению с 2010 годом в тематических приоритетах обращений граждан отмечены незначительные изменения. Увеличилось количество обращений по жилищно-коммунальным вопросам на 18 процентов (вопросы водоснабжения, теплоснабжения), на 25 процентов увеличилось число обращений по социальным вопросам (вопросы, касающиеся детских садов и площадок, вопросы труда и занятости населения). На 31 процент увеличилось количество обращений по вопросам выделения земельных участков и предоставления жилья. На 2—3 процента увеличилось число обращений по безопасности граждан и общественной политике.

В Правительство и к Губернатору Иркутской области ежедневно поступают обращения граждан в письменной и устной форме, так же ведется личный прием граждан согласно графику. На официальном портале правительства Иркутской области в сети интернет (www.irkobl.ru) действует интерактивная страница «обращения в правительство Иркутской области» с функцией «интернет-приемная», которая позволяет заочно направить письменное обращение в электронном виде и в режиме обратной связи узнать о сроках и результатах его рассмотрения [2].

Наиболее активной социальной группой населения Иркутской области выступают пенсионеры. За прошедший 2011 год в адрес Губернатора Иркутской области от них поступило 4271 обращение. Второе место по гражданской активности занимают рабочие — 758, на третьем месте служащие — 422. От предпринимателей поступило за 2011 год 407 обращений. Так же к Губернатору Иркутской области обращаются безработные — 283, студенты и учащиеся — 218. Наименее активно взаимодействуют с Губернатором Иркутской области работники здравоохранения — 100, и фермеры — 68 [2].

В результате сравнения данных, выяснилось, что в 2011 году количество нарушений сроков исполнения поручений по обращениям граждан незначительно уменьшилось. На 2011 год показатель исполнительной дисциплины составил 98,3 процента. В 2011 году на семинаре-совещании по вопросам о порядке рассмотрения обращений граждан, Иркутская область была отмечена как одна из лучших территорий по исполнительной дисциплине. При анализе качества и полноты ответов лишь 0,5 % случаев составляют формальные отписки [2].

Подводя итог проведенного нами исследования можно сделать вывод, что ведется активное взаимодействие Губернатора Иркутской области, как представителя власти, с населением. Работе с обращениями граждан уделяется пристальное внимание, для снижения количества поступающих жалоб принимаются меры в целях устранения причин, порождающих жалобы: меры по повышению исполнительской дисциплины, профессиональная подготовка служащих. Четко налажена связь органов власти с общественностью. Граждане Иркутской области, в свою очередь, достаточно активно используют гражданское право на участие в управлении своей областью. Но, несомненно, эта сфера требует доработок и усовершенствования. Степень гражданской активности зависит от уровня доверия населения к органам власти, и задача правительства поддерживать и сохранять это доверие путем приближения к народу, проведением различных мероприятий в целях повышения качества взаимодействия с населением.

Список литературы.

1. Ирхин Ю.В. Политология: Учебник. — М.: Экзамен, 2007. — 958 с.
2. Информация об обращениях, поступивших на имя Губернатора Иркутской области и Правительства Иркутской области. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.irkobl.ru/society/request/info/> (дата обращения: 13.04.2012).
3. Русаков А.Ю. Связи с общественностью в органах государственной власти: Учебное пособие. — СПб: Изд-во Михайлова В.А., 2006. — 224 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Никитина Ксения Николаевна

студент 4 курса НиИрГТУ, г. Иркутск

E-mail: Aprilkss@mail.ru

Ринчинова Альбина Бургутовна

канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальной работы,

преподаватель кафедры социологии и социальной работы, НиИрГТУ,

г. Иркутск

E-mail: albinarinch@mail.ru

Каждому человеку важно, чтобы его просьбы услышали, чтобы его поняли и чтобы его голос и мнение были важны. Любому человеку хочется жить в обществе, где он чувствует себя свободно, спокойно и безопасно. Для спокойствия, безопасности, свободы и уверенности граждан в завтрашнем дне существует государственная власть. Непосредственно ее выполняют и от ее лица выступают органы государственной власти. Деятельность любого государства реализуется через систему таких органов.

Современное общество — общество противоречий и непрерывных изменений. В таких условиях политической и социальной среды актуализируется проблема становления адекватной системы государственного управления, способной эффективно реагировать на вызовы внешней среды, становится очевидной необходимостью разработка сбалансированной системы показателей и критериев эффективности деятельности органов государственной власти. С этой целью была создана Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, разработанная во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации».

В соответствии с вышеуказанной методикой в марте 2012 года мы провели исследование для выявления удовлетворенности жителей Иркутской области деятельностью органов государственной власти. В опросе приняли участие 3 района (Тайшетский, Боханский, Аларский) и 3 города (Тулун, Саянск, Черемхово). В результате исследования было выявлено, что деятельность губернатора Иркутской

области в полной мере одобряют 40 % опрошенных, деятельность Президента Российской Федерации Д.А. Медведева — 30 %, деятельность Правительства РФ — 22 %. Что касается деятельности государственной Думы РФ, здесь большая часть респондентов, а именно — 28 % ответили, что не одобряют их деятельности, 17 % сомневаются, но все-таки склоняются к тому, что их деятельность неэффективна (ответ «скорее нет») и только 4 % опрошенных отметили ответ «скорее да». По мнению большинства опрошенных государственная Дума работает не совсем эффективно. Хочется отметить, что опрос проводился за пару недель до выборов, когда агитационная работа шла по всем телеканалам и люди активно обсуждали и выражали свое мнение о депутатах.

Вопрос об удовлетворенности деятельности местных органов вывел следующую картину: 31 % опрошенных удовлетворены органами местного самоуправления, большая часть которых приходится на г. Черемхово, Саянск, Бохан. Как правило, это города, либо районные поселки небольшие по площади (в случае Бохана), где местное самоуправление справляется с работой, население не отдалено от власти, происходит непосредственное взаимодействие между населением и местным самоуправлением. Остальная часть опрошенных, а именно 19 %, не удовлетворены деятельностью самоуправления, объясняют это тем, что райцентры находятся далеко от населенных пунктов и органы местного самоуправления редко посещают такие деревни. В свою очередь жители из-за плохих дорог не могут свободно выезжать из своих населенных пунктов. Можно сказать, что работа муниципального управления зависит в Иркутской области от географического положения: отдаленности от города Иркутска, рассредоточенности деревень от районного поселка. Таким образом, можно сделать вывод о том, что одним из факторов неэффективной работы муниципального управления является некомпетентность и немотивированность органов местного самоуправления районов Иркутской области, нужна постоянная проверка их компетентности, повышенная мотивация.

Рассматривая такой критерий оценки деятельности органов власти, — как общее образование, можно отметить, что качество образования улучшается, а если точнее удовлетворенность населения качеством образования заметно выше. Здесь проценты распределились следующим образом: 28 % полностью удовлетворены качеством образования в средних школах, 12 % удовлетворены, но не в полной мере, 8 % склоняются к ответу «нет» и 2 % с уверенностью указали на то, что качество образования низкое. При этом респонденты,

ответившие на вопрос «нет» и «скорее нет», аргументируют это тем, что «в школах слишком тяжелая программа», «напряженность и загруженность учебной детей не дает им сил посещать какие-нибудь кружки и секции», «ребенок учится сначала по одним книжкам, потом резко меняется курс и он учится по другим книжкам — это тяжело, он ничего не успевает понять...». Данные ответы респондентов дают право на то, чтобы проанализировать деятельность законодательного собрания, касательно этой сферы, и Министерства образования.

Рассматривая показатели здравоохранения, можно сделать вывод о том, что, несмотря на то, что активно внедряются новые технологии, больницы оснащаются новой техникой, уровень здравоохранения не находится до сих пор на должном уровне — им удовлетворены 12 %. Причины этому респонденты отмечали следующие: неквалифицированные врачи, которые зачастую не могут поставить правильно диагноз, высокие цены на лекарства и недостаток их в аптеках, а также отсутствие санитарных частей и участковых врачей в некоторых отдаленных районах области.

Проанализировав критерии методики эффективности деятельности органов государственной власти, такие как — здравоохранение, безопасность, общее образование, Мы сделали вывод, что уровень медицины в области низкий, уровень преступности высокий, а уровень среднего образование чуть выше среднего. Эффективность деятельности органов не достигается по следующим причинам:

- максимально неорганизованной групповой работе органов;
- отсутствие мотивации;
- полное отсутствие или незначительное присутствие компетентности и профессионализма;
- цели органов власти, несоответствующие целям и проблемам в обществе.

Итак, современное общество — это динамично развивающаяся система, в которой зачастую присутствует непредсказуемость. Во избежание непредсказуемых, проблемных ситуаций, которые могут перерасти в большие проблемы, а затем создать хаос, им нужно управлять. Управление — функция сложных организованных систем любой природы, обеспечивающей сохранение их структуры, поддержание режима функционирования, направленного на реализацию их программных целей.

Как и в любой организованной системе, в обществе каждый элемент выполняет свои функции. Чтобы деятельность управления была эффективна, необходимо, согласно концепции управления качеством, чтобы каждый элемент (органы государственной власти)

сотрудничал, активно взаимодействовал с другими элементами. Такая групповая работа повышает эффективность деятельности органов государственной власти, наряду с мотивированностью, компетентностью и профессионализмом, а также сменой и обновлением творческого потенциала служащих.

Подводя итог проведенного нами исследования, можно сделать вывод о том, что органам государственной власти Иркутской области есть куда стремиться. По области отмечен низкий уровень здравоохранения, низкий уровень безопасности, средний уровень общего образования и средний уровень жизни населения. Отмеченные выше показатели эффективности нужно внедрять, и проводить более жесткий контроль над деятельностью органов государственной власти, а особенно муниципального управления. Нельзя забывать, что муниципальное управление призвано создать условия для формирования, развития и реализации потенциала личности, домашнего, муниципального хозяйства, бизнеса и т. п., минимизировать экономическую зависимость муниципального образования от социально-экономической политики органов государственной власти. Предназначение государственного управления состоит в желании, умении и способности органов исполнительной власти организовать практическое исполнение общих предписаний и норм федеральных органов и субъектов Федерации, указов Президента РФ, а также актов руководителей субъектов Федерации.

Список литературы:

1. Методика оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации — Протокол № 1 от 18 июля 2007 г., — 15 с.
2. Масленникова Е., Мокеев М., Гегедюш Н. Государственное и муниципальное управление М.: Высшее образование. — 2008. — 192 с.
3. Указ Президента РФ от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» (с изменениями от 28 апреля 2008 г., 13 мая 2010 г.) ООО «НПП «ГАРАНТ-СЕРВИС», 2012.

2.3. СОЦИОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИИ

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В УКРАИНЕ

Черкашина Татьяна Александровна

преподаватель ХГУ, г. Херсон

E-mail: tata.demi@mail.ru

После провозглашения независимости, Украина уже 20 лет переживает период политических, экономических и социальных трансформаций, пытается преодолеть нестабильность во всех сферах общества.

В обществе часто возникают процессы, связанные с коллективными действиями молодежи, которые входят или не входят в социальные группы, объединения или организации. Эти коллективные действия являются особенной разновидностью социальных процессов, которые получили название молодежных движений, независимо от того являются они рациональными или случайными, экстремистскими или пассивными. Именно в рядах молодежных движений, организаций и объединений, современная украинская молодежь участвует в общественной жизни. Такие объединения возникают в связи с потребностью молодого гражданина участвовать в общественных делах, а в повседневной жизни позволяют действовать более эффективно и уверенно.

Среди современных украинских исследователей молодежной проблематики весомый вклад сделали О. Балакирева, В. Барабаш, В. Бебик, М. Головатий, В. Головенько, В. Криворученко, О. Корниевский, В. Кулик, С. Косенко, О. Яременко и другие. В частности, нормативно-юридический характер и особенности функционирования молодежных формирований исследовали И. Карпец, В. Пертцик, Г. Федоров, О. Ямпольская.

Молодежное движение как форма проявления социальной активности молодого поколения является самым эффективным механизмом взаимодействия новых поколений с обществом. В рамках молодежного движения молодые люди не только проходят социализацию, добывают необходимый опыт, но и самореализовываются. Молодежное движение является средой, в которой идет формирование локальных молодежных культур и стилей жизни, что позже, испытав

определенные модификации, распространят свое влияние на культуру и образ жизни общества в целом.

Принимая во внимание актуальность данного вопроса, в своем исследовании мы пытались изучить современную нормативно-правовую базу, которая регулирует развитие молодежного движения в Украине. Исходя из этого были выделены следующие задания: — дать определение понятиям «молодежь», «молодежное движение»;— проанализировать нормативно-правовые документы, которые регулируют развитие и деятельность молодежного движения в Украине.

Приступая к рассмотрению и анализу законодательной базы, которая является фундаментом создания, развития и деятельности молодежных движений, мы должны в первую очередь определиться с понятием «молодежь» и «молодежное движение». Понятие «молодежь» достаточно по-разному трактуется во многих науках, в частности, таких как философия, педагогика, психология, социология, политология и других.

Его обобщенный вариант, предложенный в энциклопедических изданиях, определяет молодежь как социально-демографическую группу, выделенную на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального статуса и обусловленных ими социально-психологических качеств, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитанием в определенном обществе. Поэтому по-разному определяют возрастные пределы молодежи в отдельных странах мира: для стран Европейского Союза — 15—24 года, в Российской Федерации — 14—30 лет, в Эстонии — с 17 до 26 лет, в Испании — с 14 до 30, Нидерландах — с 12 до 25, Словении — с 15 до 29. В Украине возрастные пределы молодежи периодически изменяются законодательством. Так, в 1992 г. молодежью были названы граждане в возрасте от 15 до 28 лет. В 1999 г. нижний предел был отодвинут до 14 лет. А в марте в 2004 г. Верховная Рада Украины приняла решение о перенесении верхней границы молодежного возраста вплоть до 35 лет. И хотя в принятом законе ничего не говорится об изменениях в возрасте членов общественных молодежных организаций, остается надеяться, что он также теперь устанавливается в пределах от 14 до 35 лет [2, с. 122]. В современном обществе, по мнению В. Барабаша, определение возрастных пределов молодежи не упрощается, а наоборот усложняется, причиной этого есть акселерация молодого поколения (существенно ускорилось физическое, в частности, половое созревание детей и подростков, которое традиционно считается нижним пределом юности) и осложнение трудовой и общественно-политической

деятельности, в которой молодежь принимает участие (современная молодежь дольше учится в школе и, соответственно, позже начинает самостоятельную, трудовую жизнь).

Большинство ученых, в частности В. Головатий, В. Кулик, О. Корниевский, считают, что, законодательно утвержденные в нашей стране пределы молодежного возраста от 14 лет до 35 достаточно целесообразны. Потому что именно в этот период своей жизни молодежь приобретает политические и общественные права, осознает свой социальный статус в обществе, свои социальные роли, у молодых людей формируются взгляды, и молодежь вступает в продуктивную жизнь. По мнению М. Головатого, именно в процессе взросления молодые люди учатся и начинают создавать мир, то есть становятся субъектом всех социально-экономических, политических и общественных преобразований [3, с. 18].

Что касается понятия «молодежное движение», то в его определении также присутствуют расхождения во взглядах отечественных и зарубежных ученых. Одни рассматривают его конкретно-историческую сущность сквозь призму развития социальной активности молодежи, другие — как составную часть молодежи или как совокупность молодежных общественных объединений и т. д.

Представители отечественной науки, в частности, специалист в сфере изучения молодежной проблематики В.А. Головенько, предлагают рассматривать молодежное движение как «своеобразную политическую систему, главное задание которой — определение и реализация молодежной политики общества» [4, с. 18]. Достаточно четко и точно определяет молодежное движение отечественный исследователь Е.И. Косенко: «Под молодежным движением, как правило, понимают массовую организованную социально-политическую активность, которая направлена на реализацию как специфических требований и целей молодого поколения, так и целей других общественных групп, объективные интересы которых отвечают интересам молодежи» [10, с. 87].

Некоторые зарубежные исследователи, в частности, польский ученый Б. Ратусь, рассматривают молодежное движение только как совокупность молодежных организаций. Он утверждает: «Молодежное движение» есть обобщенное понятие для определения некоторого количества союзов молодежи, минимум двух, которых объединяют подобные основные идейно-воспитательные и политические цели и, прежде всего, объект и сфера их деятельности» [4, с. 14].

В. Барабаш в своем диссертационном исследовании, посвященном изучению молодежного движения, отмечает, что «изучая молодежное движение, необходимо учитывать, что оно является непростым социальным явлением и, как минимум, состоит из организованной молодежи, которая юридически оформлена в общественные объединения, и неформальной самоорганизованной молодежной инициативы, молодежной субкультуры, которые взаимно дополняются» [1].

Молодежные движения являются средством привлечь внимание общества к потребностям молодежи, и приспособление общества к этим потребностям. Важным аргументом, без которого трудно рассчитывать на успех в создании государства, является понимание роли молодых, молодежного движения в жизни страны. Как считает В. Головенько, «историческое развитие общества в значительной степени зависит от того, насколько используется такой действенный фактор общественно-политического функционирования как молодежь, ее общественные организации. Во все времена и у всех народов молодежь была в авангарде общественных движений, своеобразным катализатором общественных преобразований» [4, с. 119].

Особенности развития молодежного движения, его организованного сегмента определяются в значительной степени сущностью политической системы и адаптацией государственной политики к потребностям молодежи. От этого зависит: направленность молодежной инициативы, степень ее радикализма и бескомпромиссности; количество молодежных организаций и степень их политизированности; распространение неформальных движений и популярность субкультур в молодежной среде.

Учитывая все вышеупомянутое, мы видим, что молодежное движение является не только действенным механизмом осуществления молодежной политики, но и важным условием постепенного развития общества.

Исходным звеном развития молодежного движения является, как и должно быть, законодательство Украины. И первым документом, который на государственном, политическом уровне положил начало новой государственной молодежной политики в Украине, стала Декларация «Об общих принципах государственной молодежной политики в Украине», которая была принята как Закон Украины 15 декабря в 1992 г. Следует отметить, что эта Декларация оказалась настолько смелой и прогрессивной, что позже отдельные ее положения, иногда в несколько измененном виде, перешли и в Конституцию Украины, и в другие законы и нормативные акты [8].

Основной закон государства — Конституция Украины — устанавливает базовые принципы, которые определяют и гарантируют существование общественных организаций, в том числе и молодежных, в Украине (статья 36, и 37), там же подан перечень запретов на создание и деятельность объединений граждан [9]. Нормативные акты, которые регулируют уставную деятельность организаций, называются статусным законодательством. В Украине на данный момент относительно молодежного движения статусным законодательством считаются: Закон Украины «Об объединении граждан» (16 июня в 1992 г.); Закон Украины «О молодежных и детских общественных организациях» (1 декабря 1998 г.); Закон Украины «О содействии социальному становлению и развитию молодежи в Украине»(5 февраля в 2003 г.).

Первый из перечисленных законов положил начало образованию и деятельности общественных объединений, в том числе, молодежных организаций. В данном законе определены принципы и подходы к формированию остального законодательства, которое регулирует вопрос образования и деятельности разных видов общественных организаций. Он состоит из шести разделов и 34 статей. В законе определяется необходимый минимум норм для установления порядка образования организации (11—13 в.), установлены конкретные нормы легализации организаций (14—17 в.), регламентируется порядок деятельности организации (20—24 т.).

Статьи 25—32 данного закона определяют порядок контроля за деятельностью общественной организации со стороны государственных органов. В статье 9 определяется порядок признания общественной организации, а в 1—3 статьях обозначены термины, которые используются в данном законе [7].

Для того, чтобы реализовывать Закон Украины «Об объединении граждан» в жизнь, были приняты ряд постановлений: 1) «Об утверждении Положения о порядке легализации объединений граждан» (от 26 февраля 1993 р) за № 140. 2) «О порядке взимания и размерах сбора за регистрацию объединений граждан»» (от 26 февраля в 1993 г.) за № 143. 3) «О порядке регистрации символики объединений граждан» (от 26 февраля в 1993 г.) за № 145. 4) «О порядке регистрации филиалов, отделений, представительств и других структурных подразделений общественных(неправительственных) организаций зарубежных государств в Украине» (от 26 февраля в 1993 г.) за № 144.

В законе «О молодежных и детских общественных организациях» определены особенности организационных и правовых принципов

образования и деятельности молодежных и детских организаций, а также государственные гарантии обеспечения их деятельности.

Так, 1 статья — это законодательство о молодежных и детских общественных организациях; во второй статье дается определение молодежной общественной организации, детской общественной организации; 3 статья указывает на принципы образования и деятельности молодежных общественных организаций, а именно: добровольности, равноправия, самоуправления, законности и гласности; в 4 — речь идет о том, кто может быть основателем, а именно — граждане Украины, иностранцы, и лица без гражданства, которые находятся в Украине на законных основаниях и достигли 15 лет; 5 статья регулирует вопрос относительно членства в молодежных общественных организациях; 6 статья определяет статус молодежных организаций, государственных организаций и Украинского национального комитета молодежных организаций; 7 статья регламентирует права молодежных организаций; 8 статья — обуславливает участие молодежных общественных организаций и детских общественных организаций в подготовке и принятии решений по вопросам государственной молодежной политики; в 9 и 10 статьях определяются формы государственной и финансовой поддержки; 11 — отображает ответственность молодежных и государственных гражданских объединений за нарушение законодательства, главным образом акцентируется внимание на использование государственных средств; в 12 статье размещены заключительные положения [5].

В Законе Украины «О содействии социальному становлению и развитию молодежи в Украине» (05.02.2003 г.) среди 16 статей две посвящены молодежным общественным организациям. В частности, ст. 14 раскрывает их правовой статус, а ст. 15 — гарантии деятельности молодежных общественных организаций [6].

Решение большого объема молодежных проблем решается на уровне законодательной деятельности Президента Украины, путем принятия соответствующих распоряжений и указов, которыми определяются приоритеты стимулирования развития молодежного движения, например Указами Президента Украины от 28.03.2008 № 279/2008 «О мероприятиях относительно содействия развитию пластового (скаутского) движения в Украине» и от 03.07.2008 № 616/2008 «О проведении в 2009 году в Украине Года молодежи».

Однако следует отметить, что нормативное регулирование молодежной сферы все еще остается слишком сложным, таким, что не всегда отвечает реалиям жизни и нуждается во внесении определенных корректив. По существу, это огромный несистематизи-

рованный массив, нагромождение разнообразных нормативно-правовых актов, где решение ряда проблем молодежи возлагается на национальные, государственные, отраслевые программы по конкретным вопросам общесоциального направления. Несогласованность ювенального законодательства, недостаточный уровень финансирования молодежных программ, ограниченные возможности и недостаточная эффективность деятельности органов государственного управления в сфере содействия социальному становлению молодежи объективно сдерживают развитие формализованного молодежного движения.

Сохранение имеющегося принципа распределения средств, которые должны направляться на широкую поддержку наибольшего количества молодежных инициатив, и в дальнейшем будет тормозить развитие молодежного движения, способствовать расцвету коррупции в молодежной среде. То есть, общество получит спустя некоторое время «новых лидеров», которые придут во взрослую политику с длинным шлейфом коррупционного опыта. О развитии прозрачности принятия государственных решений, «светлые помыслы и чистые руки» можно будет опять забыть на достаточно длительное время [8].

Отсутствие возможности поддержки своих инициатив со стороны государства, приводит к пессимизму среди молодежи относительно использования имеющихся путей решения тех или других проблем, приводит к социальной пассивности или, наоборот, к радикализации деятельности. Таким образом, не происходит привлечения широких масс молодежи к участию в организованном молодежном движении.

Важным аргументом является понимание роли и значения самой молодежи, молодежного движения в жизни общества и, особенно, в процессе создания государства. Поэтому очень важно, чтобы молодежное движение как совокупность разных организаций, неформальных объединений, течений являло собой активную составляющую гражданского общества с действенными механизмами саморегуляции, самоорганизации и контроля, который позволит и в дальнейшем развивать украинские демократические институты.

Список литературы:

1. Барабаш В.В. Інституціалізація молодежного руху України [Електронний ресурс] — Режим доступу. — URL: <http://www.rol.org.ua/article.cfm?deid>.
2. Барабаш В.В. Молодежное движение как объект и субъект реализации молодежной политики [Текст] / В.В. Барабаш // Украинский социум. — 2004. — № 1(3). — С. 119—130.

3. Головастый Н.Ф. Социология молодежи: Курс лекций [Текст] / Отв. ред. И.В. Хронюк. — К.: МАУП. — 1999. — С. 18.
4. Головенько В.А. Украинское молодежное движение в XX веке (историко-политологический анализ основных периодов) [Текст] / В.А. Головенько. К.: А.Л.Д., 1997. — 160 с.
5. Закон Украины «О молодежных и детских общественных организациях» (1 декабря в 1998 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.minjust.gov.ua/0/11720>.
6. Закон Украины «О содействии социальному становлению и развитию молодежи в Украине» (в 05.02.2003 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?ureg=2998—12>.
7. Закон Украины «Об объединении граждан» (16 июня в 1992 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.minjust.gov.ua/0/11719>.
8. Информационно-аналитическая справка о результатах деятельности Министерства юстиции и его территориальных органов по вопросам легализации объединений граждан, других общественных формирований [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.minjust.gov.ua/0/13796>.
9. Конституция Украины [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.rada.gov.ua/konst/CONST1.HTM>.
10. Косенко Е.И. Некоторые методологические вопросы изучения политических отношений молодежи в буржуазном обществе [Текст] / Е.И. Косенко // Международное молодежное движение. Вопросы теории и методологии. Сборник научных трудов. — М., 1983. — С. 87.

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

СЕМЕЙНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В ПОЗДНЕМ ВОЗРАСТЕ

Бухалова Наталья Александровна

*канд. социол. наук, доцент, Нижегородский государственный
инженерно-экономический институт, г. Княгинино
E-mail: nat.buhalova@yandex.ru*

Неизбежный для любого из нас процесс старения порождает систему различного рода стрессоров, с которыми сталкивается сегодня практически каждый пожилой человек. Это может быть потеря работы, ухудшение материального уровня жизни. На этом этапе жизни человек теряет определенность собственного бытия, он перестает отождествлять себя с макросоциальной общностью, исчезает сложившееся ценностно-ориентационное единство с ней. Э. Каминз и У. Генри пишут о позднем возрасте, старение есть неизбежное взаимное отдаление или разъединение, приводящее к снижению взаимодействия между стареющей личностью и другими личностями в той же социальной системе. Возникновение сложностей в самоопределении личности обусловлено как глобальными социальными процессами, так и локальными изменениями, затрагивающими существование отдельного человека.

При этом индивид в любом возрасте нуждается в самоидентификации, которая давала бы ему ориентиры социальной жизни. В рамках данной статьи самоидентификация или социальная идентичность трактуется нами как осмысление человеком своей групповой и социальной принадлежности. В условиях старения начинается поиск той социальной общности, которая позволила бы восстановить базовые ценности, защитит от трудностей и превратностей жизни.

Сегодня такими общностями могут стать религиозные организации, политические партии, различные творческие объединения. Но в большинстве своем они не могут стать основанием для формирования новой социальной идентичности, поскольку сами по себе не способны создать такую систему норм и ценностей, которая удовлетворила бы большую часть народонаселения России.

Тем не менее, человеку необходимо иметь устойчивые групповые связи, он испытывает острую потребность в отождествлении себя с некоторой стабильной социальной группой. В рамках феноменологического подхода к проблеме идентификации утверждается, что условием формирования идентичности является первичное переживание мы-отношений, присутствия образа Другого [7, с. 10—34]. Такой группой является семья. При этом, если принадлежность к государству, нации, этносу может быть номинальной, то семья является той общностью, к которой непосредственно принадлежит человек, в которой он живет и существует, на которую ориентируется в выборе своих действий. Семья и род, по мнению Э. Фромма, берут на себя те функции, которые первоначально выполняла для своего ребенка сама мать. Они служат опорой человеку, дают ему чувство укорененности [5, с. 52].

В условиях снижения уровня жизни, изменения привычной социальной среды, роста конкуренции в профессиональной сфере потребность пожилого человека в принадлежности к семейной группе значительно возрастает. Именно семья становится общностью, в которой человек получает психологическую поддержку и признание, в которой он может чувствовать себя уверенно и безопасно. Подтверждение этому находим в работах К. Леша, который пишет, что семья стала олицетворять собой единственный источник эмоциональной опоры для ее членов, именно она дает человеку основание для формирования новой идентичности, устойчивых оснований своей социальной жизни [2, с. 95]. Ведь семья это не просто микросреда существования человека, а своего рода «социальный микрокосм, повторяющий в своей структуре наиболее близкую к оригиналу модель структуры общественной» [6, с. 67]. Семья выступает конституирующим началом всей практической сферы бытия человека. В пограничных этапах существования индивида (детство и старость) семья является опорой, своеобразным психологическим компенсатором ограниченности человеческих возможностей.

Семья — безусловное благо и значимый фактор «торжествующей старости». В позднем возрасте брак начинает в большей степени служить источником утешения, поддержки и душевной близости.

Супруги чаще оказывают помощь друг другу. Таким образом, в преклонном возрасте люди редко расходятся, понимая, насколько они нуждаются друг в друге. В тоже время старость — период активного разрушения семей в связи со смертью одного из супругов. Смерть супруга воспринимается часто как собственная смерть, без него жизнь теряет смысл. Родственные и дружеские связи не способны восполнить потерю брачного партнера. В иерархии самых значительных горестей, потерь и утрат смерть близкого человека занимает первые места.

Характер супружеских отношений в семье пожилых людей существенно изменяется, смещаясь от интимных переживаний в пользу духовности. Семья пожилых людей отличается особым строем своего бытия. В позднем возрасте супруг, с которым разделяются не только бытовые хлопоты, но и сходные психологические состояния, становится важнейшим фактором эмоционального благополучия. Когда-то И. Кант выразил мысль, что, несмотря на возраст, он еще не утратил способности осознавать свою принадлежность к человечеству. Старикам крайне нужен собеседник, который ежедневно подтверждал бы им эту самую принадлежность, их высокий человеческий статус, через который они узнавали бы в себе человека. Нередко лишь супруг остается не просто помощником, но другом, соратником, единомышленником.

Семья в позднем возрасте приобретает особое значение, которое складывается из целого спектра проявлений. Это и социальная группа, стабилизирующая социальную реальность, и хозяйственная ячейка, и область нравственного совершенствования человека. Семья это «сердце» социального организма. По мнению И.А. Ильина, «семья есть как бы живая лаборатория человеческих судеб — личных и народных, и притом каждого народа в отдельности и каждого народа сообща» [1, с. 184]. Пожилой человек исходно черпает свои силы из семьи, осознает себя как человека, личность. Семейная жизнь — важнейшая часть социальной практики в позднем возрасте, накладывающая отпечаток на все сферы жизнедеятельности индивида.

Но супружеские отношения сложны и противоречивы в старости. Своеобразие семьи пожилых людей заключается, прежде всего, в сущности такого союза, его назначении. В подобных семьях происходит неизбежное сокращение спектра социальных ролей, что влечет за собой переоценку роли супруга. В пожилом возрасте происходит трансформация ценностной системы индивида. Превалирующей ценностью становится само наличие близкого человека, возможность совместного с ним проживания, вовлеченность в общую деятельность. Взаимодействие «муж — жена» или отношения

свойства в позднем возрасте существенно видоизменяются: усиливается взаимозависимость супругов, формируются общие механизмы восприятия мира, интерпретации внешних событий, переживаются схожие эмоциональные состояния.

В ракурсе русской философской мысли семья образует первичное лоно человеческого бытия. По мнению В.В. Розанова семья является залогом нравственного оздоровления нации [3]. Н.А. Бердяев отстаивает необходимость семьи, которую по структуре и функциям сравнивает с государством. Отстаивая позицию И.А. Ильина о сущности семьи и ее роли в жизни человека, подчеркнем, что семья это первоначальная исходная ячейка духовности, являющаяся естественным прибежищем души человека [1]. Для этих представителей русской философии семья представляется незаменимым и незбылемым социальным институтом, первоосновой человеческой жизни. Индивид делается полноценной личностью и остается ей только в семье. С возрастом ценность семьи для человека возрастает и приобретает в старости совершенно особое значение. В семье пожилой человек имеет максимальную свободу для самореализации, которая обеспечивается возможностью создания особой, закрытой от постороннего глаза и диктата социальных стереотипов сферы деятельности, где человек «у себя дома» и «сам себе хозяин». Семейный союз пожилого человека представляет собой своеобразный, неповторимый мир, в котором сосредоточено культурное наследие социума. Пожилая семья занимает свою особую нишу, без которой невозможна динамика современного общества.

Таким образом, все выше сказанное позволяет утверждать, что семья в позднем возрасте является связующим звеном сторон человеческого бытия, скрепой его внутренней и внешней идентичности. П.А. Сорокин, описывая семью, подчеркивал, что людей объединяют общее дело, высокие цели, разделяемые всеми. В такой социально-нравственной среде люди ощущают себя жизненно важной частью общества. Они не испытывают чувства изоляции, забытости [4, с. 168]. Семья в старости гармонизирует бытие личности и обеспечивает эффективное взаимодействие пожилого человека и социума во всех его проявлениях.

Список литературы:

1. Ильин И.А. Путь духовного обновления / И.А. Ильин. — М.: Апостол веры, 2006. — 448 с.
2. Леш К. Семья — убежище в бессердечном мире / К. Леш // США: проблемы семьи. — М.: АН СССР, 1990. — С. 93 — 102.
3. Розанов В.В. Уединенное / В.В. Розанов. — М.: Современник, 1991.

4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. — М.: Изд-во политической литературы, 1992. — 544 с.
5. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / Э. Фромм: пер.с нем. — М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. — 571 с.
6. Харчев А.Г. Семья как фактор социально-культурного развития общества / А.Г. Харчев // Общественные науки. — 1982. — № 4. — С. 60 — 73.
7. Щютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Щютц. Сост. А.Я. Алхасов. — М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. — 336 с.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ: КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ В ПРОЕКЦИИ УСТНОЙ ИСТОРИИ

Мокроусова Елена Александровна

аспирант, кафедра социальной философии,

УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

E-mail: elena-mokrousova@rambler.ru

Для того чтобы попытаться взглянуть на себя со стороны, человеку очень часто приходится обращаться к истории, и не только той, которая написана в учебниках, энциклопедиях и словарях. Помимо дат, имен, биографий и точных данных в истории существует нечто такое, что заставляет человека раз за разом проникать в загадки и тайны прошлого.

Обращение к истории — это отнюдь не попытка укрыться или сбежать от современности. Неподдельный интерес к истории вызван желанием человека разобраться в нынешнем положении вещей. Человеку необходимо ощущать себя в истории, понять самого себя «в исторической перспективе, притом достаточно глубокой и широкой» [1, с. 503]. Уроки, которые дает история, позволяют ему «не прилагать каждый раз новые изнуряющие усилия для сохранения того, что уже было усвоено» [9, с. 92]. Он встраивает возрожденный образ прошлого в повседневную жизнь своего настоящего.

То прошлое, которое изучает историк, «является не мертвым прошлым, а прошлым в некотором смысле все еще живущим в настоящем» [5, с. 294]. Прошлое то и дело преобразуется

под влиянием нестабильных установок текущего момента и получает то один, то другой облик в зависимости от того, какая идеологическая оптика наведена на него из современности. Памятники прошлого сами по себе молчаливы и неинформативны. Они становятся историческими источниками лишь тогда, когда оказываются вовлечены в диалог между прошлым, настоящим и будущим. История работает с прошлым, но не ради самого прошлого — она стремится воссоздать картину жизни человека.

Для того чтобы история существовала, нужна дистанция, нужен разрыв во времени между историком и тем событием или эпизодом, который он изучает. Историк, вопрошающий людей прошлого, внимательно прислушивается к их голосу и пытается реконструировать их социальный и духовный мир. Историк должен не судить прошлое, а описывать его, он сохраняет установку на беспристрастное и объективное описание прошлого, и в этом заключается главное и принципиальное различие истории и памяти — наша память беспристрастной быть не может.

По мнению У.Джеймса, память представляет собой нечто большее, нежели простое соотнесение какого-либо факта с известным моментом в прошлом. Этот факт должен быть окрашен в особое «чувство <теплоты> и <интимности> по отношению к нашей личности» [2, с. 203]. Воспоминания с необходимостью вписываются в рамки личности человека или его личной жизни, и «даже те из них, которые он разделяет с другими, рассматриваются им лишь с той стороны, с которой они затрагивают его в отличие от других» [14]. Человек должен думать, что это именно его переживание, поскольку только тогда воспоминание становится «отнесенным к... определенному моменту в истории его жизни» [11, с. 226]. Однако чтобы воскресить в памяти собственное прошлое, человеку часто приходится обращаться к чужим воспоминаниям.

Эти воспоминания в большинстве своем не являются непосредственным опытом индивида, однако воспринимаются им как неотъемлемый элемент его личности. Они воспроизводятся естественным образом в пределах той или иной социальной общности (начиная от трудового коллектива и заканчивая нацией или государством). Воспроизводятся на уровне отдельно взятого индивида, однако так, что позволяют ему отождествлять себя с той общностью, к которой он принадлежит, с ее историей и судьбой.

В конце XX века (во многом благодаря работам М. Хальбвакса) приходит осознание того, что память индивида существует постольку, поскольку этот индивид является уникальным продуктом специфичес-

кого пересечения групп. Память представляет собой «особое действие, изобретенное людьми в ходе их исторического развития, которое появляется тогда, когда возникает социальное поведение» [15, с. 142]. Обусловленность того, что запоминается и забывается, социальной средой настоящего, подчеркивает социальную природу памяти: именно коллективы и группы задают образцы толкования событий и поддерживают их в коллективных воспоминаниях. Коллективная память выступает здесь «тем общим, что конституирует общество как таковое и является залогом его идентичности» [10, с. 106]. Социальные группы создают свои образы мира, устанавливая свои согласованные версии прошлого.

Коллективная память, определяемая как «совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем» [13, с. 328], осуществляет постоянный отбор и ревизию исторических событий и фактов. Для обозначения этого явления М. Хальбвакс ввел особый термин — «социальные рамки памяти». Он подчеркивал, что «некоторые воспоминания не возникают вновь, не потому что они слишком стары и постепенно рассеялись, — просто раньше они были обрамлены такой системой понятий, которой у них нет сегодня» [15, с. 127]. Человек, лишенный возможности непосредственного переживания тех или иных событий, однако считающий себя обязанными знать и помнить о них, вынужден обращаться к внешним источникам, благодаря которым, образы прошлых событий в нашем сознании предстают «как печатные страницы книги, которые можно было бы раскрыть, пусть даже их уже не раскрывают» [14].

Коллективная память — это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле она находится в процессе постоянной эволюции. Она «открыта диалектике запоминания и амнезии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям» [6, с. 38].

История также как и память открыта для дискуссий — она селективна и изменчива. То прошлое, возрождением которого занимается история, может быть реанимировано и проговорено по-разному: через мифы, легенды, устные традиции, искусство и т. д. «Исторический процесс — это дрящящая во времени коллективная драма» [7, с. 4], и поскольку люди являются заинтересованными участниками этой драмы, их неизменно волнует вопрос: какова связь прошлого, настоящего и будущего, что ждет впереди, есть ли какие-либо гарантии счастливого исхода событий.

Прошлое не возникает в наших знаниях само по себе, а является искусственным продуктом современности. Воспоминания не просто некая данность, а относящаяся к современности, созданная ею общественная конструкция. Прошлое не дает себя «сохранить», «законсервировать», оно постоянно опосредуется настоящим, приспосабливается к нему. То, как и в какой мере происходит это опосредование, зависит от духовных потребностей и интеллектуального потенциала индивида или группы в настоящем. Это заставляет каждый раз возвращаться к тому, что представляет собой история, и каким идеалам и нормам она следует.

Сегодня мы можем говорить о том, что история помимо объективного и сдержанного представления о прошлом включает в себе целое созвучие отдельных небольших «историй». Занимаясь реконструкцией прошлого, история по сути воспроизводит не сами исторические факты, а их ментальную коллективную переработку в сознании людей. «Привязанность к прошлому и стремление хранить ему верность» [8, с. 49] создают особое чувство истории, для которого прошлое почти не отличается от настоящего. Памятные места, дата, музеи, архивы и другие искусственные формы памяти становятся теми способами репрезентации прошлого, в которых коллективные воспоминания оседают, «кристаллизуются и находят свое убежище» [6, с. 17].

В наши дни история разворачивается к человеку, в центре ее внимания уже не только большие социальные группы, выдающиеся события и личности, но и те люди, которые в качестве «безликого большинства» оставались за бортом истории. Как отмечает М. Хальбвакс, наряду с письменно зафиксированной историей существует «живая история, которая продолжается или возобновляется через годы и в которой можно обнаружить большое количество прежних течений, казавшихся иссякшими» [14]. В наши дни небольшие «life story» замещают объективную истинность факта нарративной правдой исторического описания. Отсюда появление нового «жанра» истории — устной истории, о котором мы поговорим в дальнейшем.

Устная история проделала долгий путь с момента своего первого академического провозглашения в конце 40-х годов XX века и до настоящего времени. Появившись как узкое направление в рамках библиотечного и архивного дела, устная история постепенно завоевала признание профессиональных историков, нашедших в устных воспоминаниях исключительный источник информации о прошлом.

В профессиональной историографии и социологии «life story» (история жизни) или «oral history» (устная история) в качестве новых направлений исследований стали применяться в основном в 1960—1970-х годах. Они в значительной степени отразили стремление человечества нормализовать свое прошлое. Как отмечает Н. Копосов, это была попытка прийти к некоторому примирению с прошлым, когда неподвластное, трагическое прошлое, встраивается в прошлое обычного человека, в его банальную повседневную жизнь. Благодаря устной истории прошлое стало представляться через мировоззрение рядовых участников исторического процесса.

Сегодня для историков решающим оказывается понимание того, что история сообщает нечто личное, ценное только тогда, когда человек ставит перед ней свои вопросы, интересуется конкретными моментами и эпизодами. Благодаря такому активному, замотивированному участию прошлое и его анализ впервые начинают осознаваться участниками исторического процесса не как статичное, внешнее, а глубоко личное и даже интимное переживание событий. Отцы устной истории (Дж. Эвансе, П. Томпсон, А. Портелли) подчеркивали особую важность именно «звучания устных источников» [3], полагая, что «от формы фиксации и хранения информации принципиально зависят эпистемологические особенности работы с источником» [3]. Рассказчик в ходе своего повествования как бы переживает прошлое заново, и неизбежно забывает что-то «неудобное» для себя, а что-то, напротив, высвечивает и делает центральным местом своего рассказа. Воспоминание — это всегда «событие плюс воспоминание о том, как его вспоминали» [16], по мнению В. Харальда, оно постоянно «обогащается новыми нюансами, корректируется, фиксируется на тех или иных аспектах, переписывается» [16]. Для исследователя важны суждения респондентов, их субъективные представления о фактах и их оценки.

Память человека — это «не отлаженный механизм» [3]. В.А. Зверев отмечает, что рассказы очевидцев часто обрывочны и не всегда точны. С одной стороны, это обстоятельство дает исследователю пищу для размышления: почему человек забыл тот или иной интересный нам сюжет, с другой стороны, оно осложняет работу — «ведь на некоторые частные вопросы из истории повседневной жизни сегодня могут ответить только старожилы». Рассказчик своим повествованием как бы творит историю заново. Процесс воспоминания — это всегда «интерпретация, выстраиваемая в более или менее явной полемике, дополнениях или иллюстрациях» [4] смысла и содержания соответствующих событий. Л. Гудков

подчеркивает, что рассказчик создает историю, моделирует свое прошлое в соответствии со своим мировоззрением, своими политическими и культурными установками, особенностями своей биографии, психологическим настроем и психическим состоянием.

Устная история охватывает такие сферы исторического знания, которые по разным причинам не получали достаточного освещения в истории письменной. Устная история помогает отыскать в прошлом новых героев: «простых людей, а не только лидеров; женщин, а не только мужчин; чернокожих, а не только белых» [12, с. 301]. Она позволяет сохранить свидетельства непосредственных участников исторических событий — «маленьких людей», которые в официальных источниках фигурируют только в качестве статистических единиц, а часто и вообще забыты. Она обеспечивает трансляцию системы ценностей от одного поколения к другому и предоставляет материал для других отраслей исторической науки — исторической антропологии, исторической психологии, исторической герменевтики. Устная история может стать новым способом «преобразования как содержания, так и цели истории» [12, с. 15]. С ее помощью, по мнению П. Томпсона, «можно изменить сам фокус исторической науки, инициировать новые направления исследований» [12, с. 15]. Устная история фиксирует не только воспоминания великих деятелей культуры и политики или подробности знаменательных событий прошлого, она прежде всего реконструирует жизнь, менталитет простых, незаметных людей, и даже маргиналов. Это неофициальная история, зачастую без цензурных запретов, которая дает возможность увидеть прошлое снизу и изнутри, с точки зрения отдельной личности.

Рост интереса к устной истории совершенно не случаен. Устная речь, как лакмус, выявляет все качества говорящего: тактичность или бестактность, деликатность или, наоборот, нескромность, понимающе-бережное или холодно-безразличное отношение к предмету разговора.

Устная речь недаром вертится на языке, она «прерывиста, сбивчива, нелогична и жива» [3], в ней всегда присутствует тот или иной оттенок вкуса, без которого все пресно и несъедобно. Огромным достоинством устной истории является то, что она не замкнута на индивидуальную трактовку событий. В устной истории главенствуют не отдельные «голоса», а некое взаимное эхо больших коллективов, наций и поколений. Не важно, кто говорит, кто слушает: устная история растворяет работу исторического самосознания в индивидуализированных формах истории. Устная история не претендует на создание индивидуальной концепции повествуемого, она бережет живой носитель — народную память, которая надежнее бумаги.

Таким образом, устная история соединяет прошлое и будущее, прослеживает преемственность поколений. Реконструкции истории становятся плодом совместных усилий. Разговоры о коллективно пережитых ключевых событиях обладают необычайно сильным воздействием на индивидуальные воспоминания каждого. Обмен историями производится до тех пор (и истории при этом модифицируются и переоформляются), пока «у всех членов сообщества не окажется примерно одинаковый набор примерно одинаковых историй» [16]. Осознание событий своей жизни, своего поколения, окружающего социума у человека происходит постоянно. Устная история показывает, как меняется оценка людьми событийного ряда в зависимости от времени, общественной ситуации, позволяет наблюдать, как одни трактовки событий подавляются, а другие начинают доминировать. Устная история позволяет работать не только и не столько с индивидуальными воспоминаниями людей, сколько с их коллективными переживаниями, коллективными мифами, схемами, обычаями и способами толкования мира. Она открывает дорогу многочисленным исследованиям в области коллективной памяти. Для того чтобы воспоминания актуализировались в коллективной памяти народа необходимо чтобы они были значимыми для тех, кто живет сегодня. Необходимо чтобы человек научился сопереживать тому, что было в прошлом. Устная история дает возможность не просто услышать рассказ о том, как все было на самом деле, но и понять, каково было жить в те времена и пережить их вместе с рассказчиком, посмотреть на историю его глазами.

Устная история не стремится дать индивидуальный образ или трактовку событий и фактов прошлого, она собирает коллективное наследие — коллективный фонд воспоминаний, которые оказываются значимыми для тех, кто эти события пережил, и востребованными для тех, кто родился и вырос уже после их свершения. Устная история позволяет человеку высказаться и проговорить свою жизнь, тем самым сохраняя и закрепляя его воспоминания и транслируя их для будущих поколений людей. Устная история становится не просто одним из жанров исторического описания событий, она превращается в полноценное историческое основание коллективной памяти людей.

Список литературы.

1. Гуревич А.Я. Уроки Люсьена Февра / Л. Февр. Бои за историю. — М.: Наука, 1990.
2. Джеймс У. Память. Научные основы психологии. — СПб., 1992.

3. Зверев В.А. Услышанное прошлое: опыт создания и использования историко-биографической коллекции в педагогическом университете / В.А. Зверев, Е.И. Косякова // Устная история (oral history): теория и практика: материалы Всерос. науч. семинара / сост. и науч. ред. Т.К. Щеглова. – Барнаул, 2007. [Электронный ресурс] — Режим доступа. URL: <http://lib.nspu.ru/file/sbo/656153/d189aebef1ae6528.pdf> (дата обращения 20.05.12).
4. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2—3(40—41). — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/gu5.html> (дата обращения 22.05.12).
5. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. — М., 1990.
6. Нора П. Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюинмеж, М. Винок. Франция-память. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999.
7. Панарин А.С. Философия истории. — М.: Гардарики, 2001.
8. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). — М.: ГУ ВШЭ, 2003.
9. Рикер П. Память, история, забвение. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
10. Романовская Е.В. Феномен памяти: между историей и традицией // Философия и общество. — 2010. — № 1.
11. Рубинштейн С.Л. Память. Основы общей психологии. — М., 1996.
12. Томпсон П. Голос прошлого: Устная история / П. Томпсон. — М.: Весь Мир, 2003.
13. Трубина Е.Г. Коллективная память // Социальная философия: Словарь / Сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. — 2-изд., испр. и доп. — М.: Академический проект; Екатеринбург; Деловая книга, 2006.
14. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2—3(40—41). — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения 20.05.2012).
15. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. — М.: Новое издательство, 2007.
16. Харальд В. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас. — 2005. — № 2—3 (40—41). — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/vel3-pr.html> (дата обращения 21.05.12).

3.2. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И ИДЕАЛОВ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Горбатюк Тарас Витальевич

*канд. филос. наук, доцент кафедры философии НУБиП Украины,
г. Киев, Украина*

E-mail: tarastn@ukr.net

На рубеже тысячелетий человечество вступило на абсолютно новый, информационный этап своего развития. Главными экономическими ресурсами этого времени становятся информация и знания, умение оперировать которыми дает основания для успешного функционирования, как отдельных государств, так и общественного прогресса в целом. Эти обстоятельства, безусловно, привели к значительным общественным трансформациям — формирующееся общество, не только постоянно учится, но и пытается быстро и эффективно отвечать на новые социальные и экономические запросы глобализированного рынка. Совершенно очевидно, что адекватное реагирование на потребности современного мира, невозможно как без теоретического обоснования необходимости существенных изменений в сфере образования, так и без формирования нового идеала образования.

Перспективы развития образования в контексте изменения образовательной парадигмы, исследуют ученые, как высокоразвитых стран, так и находящихся на пути к нему. В частности, инновационные тенденции в образовании анализируют Ж. Аллаки, Н. Бурбулес, Т. Воропай, Б. Гершунский, А. Джуринский, С. Клепко, Г. Климова, М. Култаева, Ф. Михайлов, И. Радионова, А. Тягло, П. Фрейре, М. Фуллан и др.

В общем, проблема перспектив образования сегодня является одной из центральных как в сфере педагогического, так и философского дискурса. Вместе с тем, рассматривая мировоззренческие проблемы постнеклассической парадигмы образования, исследователи очень часто оставляют без внимания такой важный феномен настоящего как постмодернизм, образовательно-педагогические

интенции которого страдают от глубокой критики. В этом контексте стоит вспомнить работы Г. Рапп-Вагнера, Г. Мертенса, Ф. Ладентина. Все они убеждены в том, что постмодернизм выступает как своего рода нигилистический комплекс, который приводит к дезинтеграции человека в мире и подрывает смысл традиционной педагогики.

Несмотря на то, что общая критика постмодернистских интенций вполне правомерна, сегодня мы уже не можем отрицать того факта, что постмодернизм как социокультурный феномен второй половины XX века имел достаточно сильное влияние на концептуальные основы и практику педагогики. В частности, в этом контексте следует вспомнить ориентацию постмодернистской педагогики на радикальную реформу школы как репрессивного социального института, субъективную конструкцию знания, переоценку отношений «учитель-ученик». Ведущее место в процессе модернизации современного образования занимает и изменение учебных планов — узкопрофильные учебные заведения, которые обеспокоены своим локальным профилем, меняют методы и содержание образования в направлении вариативности и разнообразия. Это, в свою очередь, дает основания для свободы выбора и индивидуализирует саму систему образования.

В целом постмодернистская педагогика выступает как против общезначимости, универсальности и объективности традиционных ценностей и норм поведения, так и против классических педагогических теорий. Вместе с тем, отрицая саму идею объективного, постмодернистские педагогические программы сами превращаются в субъективное мировоззрение, которое раскрывает лишь один возможный вариант развития образования и воспитания.

Исследователи философской ситуации второй половины XX века справедливо отмечают «диалогичность» как ключевое понятие постмодернизма. Предшествующую эпоху модерна можно рассматривать с оговорками, как монологическую. Пафос ее развития заключался в безраздельном и монологическом воздействии научных концепций и парадигм, отражавшие лишь одну из сторон реальности. В свою очередь, понять постмодернизм можно только в контексте диалога, ориентированного минимум на два мнения. Такая диалогичность обусловлена дискуссионностью и неопределенностью интеллектуальной атмосферы культуры [1].

В целом постмодернистские педагогические идеи полностью отражают дух постнеклассической науки, общие тенденции, развития которой одним из первых проанализировал российский исследователь В. Степин. В частности, в работе «Теоретическое знание» он отмечает, что этот период развития науки характеризуется: во-первых, широким

использованием научного знания во всех сферах практической деятельности, во-вторых, на первый план выступают междисциплинарные и проблемно-ориентированные формы исследовательской деятельности, в-третьих, включением аксиологических факторов в состав знания [6].

Еще более отчетливую взаимосвязь идей постмодернизма и идеалов и норм постнеклассической науки подчеркивает синергетика — постнеклассической методология, главной задачей которой является изучение природных и культурных феноменов на основе принципов самоорганизации систем.

Стоит отметить, что одним из первых постнеклассические представления и выводы на историко-культурные процессы распространил российский теоретик синергетики И. Пригожин. Он предложил рассматривать эволюцию как процесс, ведущий к большему усложнению и разнообразию биологических и социальных структур за счет появления новых «диссипативных» образований более высокого порядка. В этом процессе особая роль отводится случайности, которая рассматривается как важнейшее условие формирования и развития новых структур. Сочетание случайности и необходимости создает возможность рассматривать историко-культурные процессы в новом аспекте, который учитывает смысловую роль случая и расширяет границы аксиоматических закономерностей. И. Пригожин убежден, что законы строгой причинности в условиях современной науки можно рассматривать лишь как частные случаи [4].

Что касается синергетического подхода к образованию, то, как отмечает И. Добронравова, здесь скорее «речь идет о практике, чем о познании» [2, с. 123]. Ведь большинство педагогов нуждаются в практическом применении синергетики в организации учебного процесса. В частности, используя результаты синергетических исследований в психологии и других областях науки о человеке, можно достичь самоорганизации процессов мышления у учащихся, способствовать лучшему запоминанию учебного материала и т. п. [2, с. 124].

Постмодернистские интенции проявляются и в постнеклассической трактовке проблемы познания, знания и реальности, в частности, как отметил Ж.-Ф. Лиотар: «Наша гипотеза состоит в том, что по мере вхождения общества в эпоху, называемую постиндустриальной, а культуры — в эпоху постмодерна, изменяется статус знания ... При таких общих изменениях природа знания не может оставаться неизменной» [3, с. 14]. В частности, аналогично постмодернизму, современная наука постулирует мысль о том, что объективная реальность, к которой явно или не явно обращаются исследователи,

в конце концов, имеет место только в конвенции ученых, включенных в исследовательское поле в это время, а потому проявляется только в системе тех представлений, которым ее наделяют исследователи. Учитывая это, вполне справедливо отрицается возможность достижения объективной истины и утверждается необходимость включения в систему знаний субъективных и аксиологических факторов.

Формированию постнеклассической парадигмы образования в значительной степени способствовал процесс глобализации, который предстает современным этапом развития единого и универсального проекта модерна и проявляется в движении к универсальному экономическому, правового, информационного и образовательного пространства.

Процесс глобализации и информационная революция не только интегрируют, но и неустанно интенсифицируют все сферы жизни человека. Переход к постиндустриальному информационному обществу обусловил изменение в ритме общественной жизни, которое превратилось в постоянное соревнование людей, организаций и стран за обладание информацией и знаниями. Страны-лидеры соревнуются за «инновационный ресурс», который обеспечивает опережающее развитие.

Пытаясь дать ответ на вызовы информационного общества и глобализации, постнеклассическая парадигма образования формирует идеал автономного самодостаточного человека. Интересно, что содержательное наполнение парадигмы предоставляет современная культура, ведь идея автономии существовала и в предыдущих педагогических парадигмах. В частности, традиционная европейская образование индустриального общества, отвечая на запрос времени, сформировала свой идеал человека, которым выступал добротный профессионал, полностью соответствовал потребностям общества массового благосостояния. Как следствие, образование этого периода было адаптированным и прагматичным. То есть, образование осуществляло социализацию личности, служило средством ее адаптации к существующей экономической, социальной и культурной жизни. Только социализированный индивид способен участвовать в совместных согласованных действиях с другими людьми на основе четко определенных социальных ценностей или норм [5, с. 21].

Социокультурные и цивилизационные изменения настоящего обуславливают необходимость сформировать не только новые общественные ценности и нормы, но и человека, который осознает ответственность за сохранение окружающей среды и социальное благополучие, способного быстро обучаться и регулировать любые

изменения. В общем, современное общество требует отношение высокообразованного человека, конструирует себя, творит собственный проект самореализации, кроме того оно творит окружающие человека среды: социально-экономическую, материальную, культурно-духовную, экологическую. Автономный и самодостаточный человек свободно и творчески реализует свой потенциал, ориентируясь на национальные и общечеловеческие ценности.

Итак, подводя итоги, отметим, что постмодернизм как социокультурный феномен современности не обошел и сферу образования и педагогики. Вместе с тем, несмотря на опасения ряда исследователей, постмодернизм не разрушил традиционную для индустриального общества педагогику и образование, а показал несостоятельность предыдущего образования отвечать на вызовы и открыл возможность для внедрения новых педагогических практик, которые были использованы постнеклассической парадигме образования.

Список литературы:

1. Григорьев В.П. Диалог в науке и обществе. Диалогическая (не) интеллигентность [Электронный ресурс] / В. Григорьев // Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2011/01/11/1214867078/Grigoriev.pdf>.
2. Добронравова И.С. Философия образования в эпоху постнеклассической науки / Ирина Добронравова // Философия образования — № 1. — К.: — 2005.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна/ Ж. Лиотар. — СПб.: Алтея, 1995. — 360 с.
4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой/ И. Пригожин, И. Стенгерс [Пер. с англ./ Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича и Ю.В. Сачкова]. — М.: Прогресс, 1986. — 432 с.
5. Рыжак Л. Самодостаточная личность как идеал постнеклассической модели образования / Л. Рыжак // Вестник Львовского университета. Философские науки.— 2006, Вип.9. — С. 12—23.
6. Степин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция [Текст] / Вячеслав Степин. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 743 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ПЕРВАЯ ЧАСТНАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Гач Ольга Богдановна

старший научный сотрудник ТГПУ, г. Томск

E-mail: gacholga@mail.ru

Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых. Свидетельство МК-3486.2011.6.

С момента открытия первого в Западно-Сибирском учебном округе негосударственного среднего женского учебного заведения прошло 110 лет. Учредительницей частной женской гимназии в Томске стала потомственная дворянка, выпускница Санкт-Петербургского Александровского училища (отделения Смольного института) Ольга Васильевна Миркович [8, л. 132].

В начале XX века в Томске работала лишь одна женская гимназия, что влекло за собой большой конкурс при поступлении, переполненность учебного заведения и невозможность удовлетворить образовательные потребности всех желающих.

Согласно законам того времени частные учебные заведения разделялись на три разряда: начальные школы относились к первому разряду; школам, работавшим по программам прогимназий и высших начальных училищ, присваивался второй разряд; средние школы, в которых обучение шло по программам казенных гимназий или реальных училищ, именовались частными учебными заведениями первого разряда. Циркулярным распоряжением попечителя Западно-Сибирского учебного округа от 19 февраля 1902 г. О.В. Миркович было разрешено учредить частное женское учебное заведение первого

разряда по программам женских гимназий [9, с. 106—107], открытие которого состоялось 1 сентября 1902 г. и проходило в торжественной обстановке.

Значимое для сибирского города мероприятие посетили представители администрации учебного округа и губернии — попечитель Западно-Сибирского учебного округа Л.И. Лаврентьев, вице-губернатор Томской губернии барон Д.Н. Дельвиц, окружные инспекторы. Присутствовали известные люди томской научной и педагогической общественности: директора Томского технологического института и коммерческого училища, некоторые из профессоров университета, а также родители и родственники учениц.

В первый год было принято 39 учениц [8, л. 13], но уже к середине учебного года их число возросло до 52 человек [8, л. 26 об.]. В 1904/05 уч. г. обучалось 130 девочек, а через год численность учащихся составила 206 человек [8, л. 118 об.].

В сентябре 1905 г. было закончено строительство школьного здания для учебного заведения центре города на Дворянской (сейчас Гагарина) улице на средства томской купчихи А.К. Королевой [8, л. 88]. Школа была оснащена паровым отоплением и электрическим освещением. Аренда помещения обходилась учебному заведению ежегодно в 4 тысячи рублей.

За короткий срок О.В. Миркович удалось добиться высокого уровня материальной и учебно-воспитательной стороны учебного заведения. 30 марта 1905 г. частное учебное заведение первого разряда с разрешения министра народного просвещения было преобразовано в частную женскую гимназию с правами для учащихся [8, л. 101]. Такого статуса удостаивались частные школы, соответствующие по оснащению и уровню образования государственным гимназиям и положительно зарекомендовавшие себя в обществе.

К моменту преобразования в гимназии действовали подготовительный и шесть нормальных классов. Открытие старших классов происходило в соответствии с законодательством по одному в год. С осени 1907 г. был создан восьмой педагогический класс, окончание которого давало звание домашней учительницы и право педагогической деятельности [4, л. 392].

В гимназии О.В. Миркович был определен высокий уровень образования по российским стандартам. Часто те дисциплины, которые в государственной школе являлись необязательными, по выбору учащихся, и, как правило, дополнительно оплачиваемыми, в частной входили в число обязательных. Так, в женской гимназии О.В. Миркович акцент был сделан на классическое образование

с эстетическим уклоном. Неотъемлемой частью учебного плана являлись иностранные языки, с изучением латинского. Освоение иностранных языков в гимназии О.В. Миркович проводилось, как она называла, по «натуральному» методу посредством разговоров на изучаемом языке. Для этой цели преподавателями и классными надзирательницами специально приглашались француженки и немки, которые помимо уроков проводили на переменах и в свободное от занятий время игры, чтения стихов, беседы на иностранных языках [8, л. 89].

Педагогический коллектив в основном составляли учителя местных учебных заведений. В первый год работы учебного заведения было приглашено 16 педагогов. В 1905/06 уч. г. в должности преподавателей состояло 18 человек и классных надзирательниц — 4 дамы, две из которых иностранки [8, л. 118].

Ольга Васильевна привлекала к работе в гимназии известных в городе и опытных педагогов. Учителем ботаники, естественной истории и председателем попечительного совета был профессор и ректор Императорского Томского университета В.В. Сапожников, педагогику преподавал директор Томского учительского института И.А. Успенский [1, л. 1 об.]. Преподавателем русского языка и словесности был М.А. Слободский, математики И.А. Быстрицкий — опытные педагоги Томской мужской гимназии [8, л. 119].

Работали в Томской женской гимназии О.В. Миркович и сестры учредительницы — Александра Васильевна и Екатерина Васильевна Ливеровские [4, л. 401; 8, л. 51, 117 об.]. Обе закончили Смольный институт благородных девиц. Александра Васильевна к тому же обучалась на Санкт-Петербургских высших женских курсах и курсах французского языка для учительниц в Швейцарии в г. Лозанне [8, л. 51].

Для эстетического воспитания в гимназии О.В. Миркович отводилось много времени искусству, в том числе рисованию. В качестве преподавателей были приглашены известные томские художницы Августа Степановна Капустина и Лидия Павловна Базанова [4, л. 401 об.].

За несколько лет учредительнице удалось обеспечить гимназию необходимыми учебными пособиями, оборудовать кабинеты математики, физики, естественной истории. Последний был оснащен экспонатами по зоологии, ботанике, минералогии: чучела птиц и животных, гербарии и живые растения, образцы горных пород и др. Далеко не каждое учебное заведение Томска обладало такими пособиями.

Особое внимание учредительница уделяла культурно-нравственной стороне педагогического процесса. Воспитанницы гимназии, согласно

заключению окружного инспектор А.В. Попова, отличались вежливостью, тактом и скромностью не только в стенах школы [8, л. 37 об.].

О.В. Миркович, ориентируясь на классическое воспитание «благородных девиц», создала школу для состоятельного слоя томичей. По данным 1907/1908 уч. г. более 80 % учениц являлись дочерьми дворян, купцов и чиновников. Лишь 5 % (16 из 279) учениц были представительницами крестьянского сословия [4, л. 393 об.]. В то время как в казенной Томской Мариинской женской гимназии дети лиц высших сословий составляли 43,5 %, а представительниц мещан и крестьян в гимназии обучалось больше половины — 53,5 % или 522 воспитанницы [4, л. 569].

Оплата за обучения была значительно выше, чем в государственных гимназиях — 60 рублей в приготовительном и 120 рублей в год в остальных классах. Средняя годовая оплата в казенных женских гимназиях даже в старших классах составляла около 60 рублей в год. Не многие жители Томска могли дать детям образование в частной гимназии О.В. Миркович.

В течение нескольких лет Ольга Васильевна являлась не только учредителем частной гимназии, но и возглавляла ее. Однако в августе 1907 г. О.В. Миркович обратилась к попечителю с прошением об увольнении «вследствие изменившихся домашних обстоятельств» [2, л. 1]. Начальницей гимназии попечительный совет избрал преподавательницу русского языка и арифметики А.Ф. Попову [2, л. 10], состоявшую в штате с момента открытия учебного заведения.

В 1912 г. О.В. Миркович подняла вопрос о передаче прав содержания гимназии попечительному совету, который на протяжении пяти лет фактически управлял делами учебного заведения [6]. Со стороны О.В. Миркович было выдвинуто условие передачи — денежная компенсация в размере 6 тысяч рублей. Большую часть суммы составляло невыплаченное ей жалование за преподавание французского и немецкого языков, остальное — деньги, потраченные из личных средств учредительницы на приобретение инвентаря и пособий для гимназии [7, л. 27]. Сумма выплаты была обременительной для бюджета гимназии, поэтому попечительный совет вынес постановление обратиться к его состоятельным членам и родителям учениц с просьбой о беспроцентной ссуде. Большую часть средств предоставила в долг томская купчиха, член попечительного совета гимназии Е.Х. Некрасова [7, л. 28].

Согласно распоряжению попечителя Западно-Сибирского учебного округа от 1 декабря 1912 г. частная женская гимназия,

учрежденная О.В. Миркович, была переименована в Томскую вторую женскую гимназию [10, с. 521].

Попечительный совет гимназии, в содержание и управление которого перешла гимназия, придерживался образовательных традиций учебного заведения, заложенных его учредителем О.В. Миркович — высокое качество образования, культурное и нравственное развитие воспитанниц при обязательном сохранении индивидуального подхода к ученицам. По данным на 1913 г. достижения гимназисток были достаточно внушительны. Средняя успеваемость учениц составляла 94 %. Из 24 выпускниц седьмого класса шесть девушек удостоены серебряной и две — золотой медалей. В отчетном году 21 гимназистка окончили восьмой педагогический класс и получили звания домашних наставниц; семь из них решили продолжить образование в высших учебных заведениях [5, л. 54 об.].

Гимназия просуществовала до преобразований образовательной системы советской власти, когда все гимназии стали школами второй ступени. Позже, в советское время, в здании бывшей гимназии Миркович размещалась средняя школа № 6, позднее — Департамент образования г. Томска [3, л. 18]. Здание гимназии не сохранилось. В декабре 2002 г. оно сильно пострадало от пожара и восстановлению уже не подлежало.

В истории образования в Западной Сибири гимназия О.В. Миркович осталась не только как первое негосударственное среднее учебное заведение, но и как образец классического женского образования.

Список литературы:

1. Заседания педагогического совета Томской второй женской гимназии // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 2. Л. 13.
2. Личное дело О. Миркович // ГАТО. Ф. 126. Оп. 4. Д. 1659. Л. 17.
3. Манилов В.В. Женская гимназия О.В. Миркович // Годовой отчет клуба краеведов «Старый Томск». Томск, 2002. — С. 17—18.
4. О доставлении отчетов о состоянии учебных заведений // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 2270. Л. 579.
5. О доставлении отчетов о состоянии учебных заведений. Женские гимназии и прогимназии // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3002. Л. 1252.
6. О присвоении содержимому г-жей Миркович в Томске частному учебному заведению прав // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 166. Д. 848. Л. 3.

7. Протоколы попечительного совета гимназии Миркович // ГАТО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.
8. Ходатайство жены потомственного дворянина О.В. Миркович о разрешении открыть ей частное женское учебное заведение первого разряда и о назначении субсидии из сумм МНП // ГАТО. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1810. Л. 227.
9. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу, 1902. — № 2. — С. 106—107.
10. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу, 1912. — № 11—12. — С. 521.

ГОРОДСКАЯ КОНТРЕФОРМА 1892 Г. ПО МАТЕРИАЛАМ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ

Купченко Константин Владимирович

*канд. ист. наук, старший преподаватель, Смоленский филиал
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего профессионального образования
«Российский государственный торгово-экономический университет»,
г. Смоленск
E-mail: konstan1977@yandex.ru*

Работа выполнена при поддержке Администрации Смоленской области и РГНФ. Проект регионального конкурса «Центральная Россия: прошлое, настоящее, будущее», Грант № 12-11-67004 а(р).

Городовое положение, введённое в действие императорским указом 11 июня 1892 г., ознаменовавшее проведение т.н. «городской контрреформы» сохранило за органами городского управления весь комплекс вопросов, которыми они занимались ранее. Осталась без изменений и ранее созданная организация общественного управления [1, с. 18—26]. Однако, в результате проведения реформы коренным образом изменился характер отношений между административной властью и городскими думами, усиливалась опека над ними, резко сокращалась их самостоятельность. Новое Городовое Положение не содержало даже декларативного признания самостоятельности общественного управления [7, с. 12].

Согласно Городовому Положению 1892 г. сильно сократился круг избирателей. В соответствии с этим законом число гласных думы

зависело как от числа избирателей, так и от вида городского поселения, в то время как Положение 1870 г. определяло его в зависимости только от числа избирателей: городская дума составляется из гласных, избираемых на 4 года в количестве, соответствующем числу лиц, пользующихся правом голоса на выборах [2, с. 821—839]. После реформы 1892 г. избирательное право предоставлялось только наиболее состоятельным горожанам, которые были лишь небольшой частью городского населения. Имущественный ценз значительно повысился. В соответствии со статьей 24 Положения, правом участия в выборе гласных пользуются лица, состоящие в русском подданстве, а также благотворительные, учёные и учебные учреждения и учреждения правительственные, если эти учреждения и лица не менее одного года владеют в пределах городского поселения, на праве собственности или пожизненного владения, недвижимым имуществом, обложенным оценочным сбором. Для Смоленска как губернского города эта сумма должна была составлять не менее одной тысячи рублей, в остальных городских поселениях — не менее трехсот рублей [6, с. 79]. Разрядная система выборов была упразднена в связи с введением высокого имущественного ценза. Это обстоятельство сильно отразилось на количественном составе избирателей.

Если в г. Смоленске по реформе 1870 г. избирательные права получили 5 % населения — 2010 человек [подсчитано автором] из 40000 [3, д. 859, л. 214], то по Положению 1892 г. число граждан, получивших избирательные права, сократилась в 3,4 раза [подсчитано автором] (согласно оценки недвижимого имущества, определенного для взимания сбора в пользу города и сведений о владениях торгово-промышленных заведений требующих выборки гильдейских свидетельств) и составила всего 584 человека [10, с. 23, 43, 61; 11, с. 22, 39, 52; 12, с. 23, 43, 56] из 70711 жителей [3, д. 1478, л. 11]. По промысловым свидетельствам в выборах участвовали 74 избирателя [6, с. 63].

Во внутреннем устройстве органов городского самоуправления были произведены также значительные изменения. Численность гласных сократилось в связи с достаточно резким уменьшением численности избирателей. В соответствии со статьей 56 Городового положения 1892 г. в городских поселениях, имеющих не более 100 избирателей, в думе должно быть не более 20 гласных. Там, где число избирателей больше 100, на каждые 50 избирателей свыше этого числа прибавляется по 3 гласных [6, с. 111]. Для Смоленска как для губернского города новым законом предусматривалось 60 гласных [4, с. 27].

28 апреля 1894 г. Смоленская городская дума в силу Городового положения 1892 г. утвердила новый порядок действий управы и ее исполнительных органов [3, д. 1478, лл. 5—7].

Сущность изменений, осуществленных в системе формирования и функционирования органов городского общественного управления в 1892 г., заключалась в том, что все городское самоуправление было поставлено под строгий контроль администрации. В нормах, определявших компетенцию губернатора, также содержалась поправка: вместо прежнего предоставленного губернатору права надзора за законностью действий органов городского общественного управления, статья 11 нового Положения предписывала ему следить за правильностью и законностью этих действий [6, с. 68]. Очевидно, что такая поправка существенно расширила сферу полномочий губернатора по отношению к городской думе. Все это создавало угрозу излишнего администрирования на местах и, как следствие этого, возможности возникновения противоречий между правительством и местными органами общественного управления.

Надзорные функции местного аппарата власти по отношению к городским думам закреплялись в новом Положении путем расширения прав городских голов, одновременно председательствовавших в думах. Теперь городской голова мог собственной властью в случае несогласия снимать включенные в повестку дня заседания думы вопросы. Ранее для этого требовалось согласие думы. Дума лишалась также права предать суду членов управы за нарушение ими законности. Подобное решение теперь зависело от определения Губернского по городским делам присутствия. По Закону 1892 г. городская дума могла только просить о предании членов управы суду. Такой порядок ставил должностных лиц городского управления городского управления в большую зависимость от администрации, чем от думы. Поскольку статус думы выше, чем управы, последняя выбиралась думой и отчитывалась перед ней, поэтому именно перед думой управа и должна была отвечать за свои действия.

Усиление контроля за деятельностью органов городского общественного управления выразилось также и в том, что в состав городских дум вводились кроме всех избранных гласных председатель уездной земской управы и депутат от духовного ведомства с правом голоса [8, с. 3].

По Положению 1892 г. городским думам по-прежнему отводились распорядительные функции, управе — исполнительные. Но фактически управа получила теперь новый статус — расширились возможности управы в плане усиления влияния в рамках общест-

венного управления. Это выразилось, к примеру, в том, что Городовое Положение допускало возможность для исполнительного органа осуществлять полномочия распорядительного органа: согласно статье 89, если очередное собрание думы не состоится дважды из-за неприбытия положенного числа гласных, то подлежащие его рассмотрению доклады управы предоставляются с ее заключением губернатору, и те из них, которые он одобрит, направляются к исполнению [6, с. 195].

Городская дума, по сути, стала органом, отражающим интересы небольшого числа наиболее состоятельных людей города. «Городское управление, — как отмечал его исследователь А.Г. Михайловский в 1908 г., — в совокупности превратилось в полуообщественное, полубюрократическое учреждение, лишённое самостоятельности, суженное в своей компетенции, поставленное под строгий административный надзор и являющееся представителем взглядов и интересов не всего городского населения, а лишь наиболее зажиточных горожан-собственников» [5, с. 18].

Произошли также изменения и в статусе служащих органов городского управления. Новое Городовое Положение приравнивало выборных должностных лиц городского управления к правительственным чиновникам и ставило их в дисциплинарную зависимость от администрации. Городские головы и члены управы считались состоящими на государственной службе, губернатор получил право делать им предписания и указания, а губернское по городским делам присутствие могло устранять их от должности, городская дума этого права была лишена.

Несмотря на то, что после 1892 г. дума стала более ограниченной в своей компетенции, она сохранила за собой решение основных вопросов городского управления.

Таким образом, по Городовому Положению 1892 г. в сопоставлении с Городовым Положением 1870 г. существенно сокращался круг избирателей, число гласных в думе было также уменьшено, значительно сокращалось поле самостоятельных действий думы, заметно расширялись рамки контроля за деятельностью органов городского общественного управления со стороны администрации. Все это свидетельствует о том, что учреждения городского самоуправления поставлены в большую зависимость от имперской администрации, которая имела возможность по своему усмотрению оказывать влияние на муниципальную власть. По словам К.А. Пажитнова после реформы 1892 г. у нас вообще не осталось самоуправления в общепринятом смысле слова [9, Т. 2, с.38—42].

В результате проведения реформы городского управления в 90-е гг. XIX в. устройство местной власти в России было отброшено далеко назад.

Список литературы:

1. Гессен В.М. Городское самоуправление: Дополнение к курсу «Русского государственного права». СПб., 1912. — 27 с.
2. Городовое положение 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Отд. 1. Т. 45. № 48498. С. 821—839.
3. Государственный архив Смоленской области (ГАСО), Ф. 65, Оп. 1, Д. 851, Л. 214.
4. Кононов В. Выборы, выборы, выборы... // Смоленск. — 2000. — № 12. — С 27—29.
5. Михайловский А.Г. Реформа городского самоуправления в России. М., 1908. — 110 с.
6. Мыш М.И. Городовое положение 11 июня 1892 года с относящимися к нему узаконениями, судебными и правительственными разъяснениями. СПб., 1897. — 1266 с.
7. Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х гг. XIX в. Л., 1984. — 260 с.
8. Отчет о деятельности Смоленского городского управления за 1910 г. Смоленск: электрическая типография газеты «Смоленский вестник», 1912. — 35 с.
9. Пажитнов К.А. Городское и земское самоуправление. СПб.: Невские ведомости, 1913, Т. 2.
10. Список лицам и учреждениям, имеющим право участвовать в избирательном собрании для избрания гласных и кандидатов по г. Смоленску с 1897—1901 гг. Смоленск, 1896. — 61 с.
11. Список лицам и учреждениям, имеющим право участвовать в избирательном собрании для избрания гласных и кандидатов по г. Смоленску с 1901—1905 гг. Смоленск, 1901. — 52 с.
12. Список лицам и учреждениям, имеющим право участвовать в избирательном собрании для избрания гласных и кандидатов по г. Смоленску с 1909 г. Смоленск, 1908. — 56 с.

НАЧАЛО ПОДУШНОЙ СИСТЕМЫ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ: 1719—1727 гг.

Пархоменко Артем Андреевич

*аспирант кафедры истории Отечества
Курского государственного университета, г. Курск
E-mail: par22@mail.ru*

Хронологические рамки данной статьи мы решили ограничить коротким временным промежутком с момента выхода указа о начале ревизского учета российского населения в 1719 г. до окончания сбора ревизских сказок в 1727 г. по губерниям. Обусловлено это тем, что реформы Петра I полностью изменили систему государственного учета населения.

Указы об учете населения появлялись с первых лет царствования Петра I непрерывно. Характер почти всех этих указов сходен с характером наказов XVII века: они имели целью учесть одну или несколько категорий населения, с которых следовало собрать подать, либо «деньгами в казну», либо «людьми в войско».

Петр I требовал большей определенности при подаче сведений. Практически во всех его указах говорится: «писать по именам, с леты, отцы и прозвища», желательно было указывать род занятий. Можно предположить, что неоднократное появление подобных нормативов свидетельствует о неудовлетворительном их выполнении на местах [5, с. 87—88].

Е.В. Анисимов, исследуя причины перехода к подушному обложению, пришел к выводу, что «первая четверть XVIII века характеризуется быстрым ростом налогов и повинностей», т. к. налогообложение XVII—XVIII вв. состояло из трех основных компонентов: единицы обложения (двор или душа м. п.), системы сбора налогов отправления повинностей с этой единицы и, наконец, совокупности налогов и повинностей [1, с. 14].

Изучая переписи эпохи Петра Великого, М. Ключков обнаружил, что впервые идея перехода к подушному была реализована вскоре после переписи 1710 года в Азовской губернии, где было указано взимать сборы «с числа людей, а не с дворового числа, а именно: которые по переписи 1710 года написаны от 10 до 60 лет и с числа обоих полов, как мужского, так и женского по 4, итого по 8 человек, а семьями по 4 семьи во дворе». При этом автор отметил, что при таком изменении единицы обложения видно, «двор приобретает

фиктивный характер, в него входит определенное количество работоспособных лиц мужского и женского пола» [4, с. 426].

Переход к подушной системе учета населения состоялся в первые десятилетия XVIII в. По мнению А.Б. Каменского, непосредственным поводом к введению подушного учета населения стало возвращение многочисленной регулярной армии из заграничных походов. Центральным властям было жизненно важно разместить ее в Европейской России так, чтобы она получала необходимое обеспечение.

Было решено воинские части разместить непосредственно в регионах, где гарнизоны ставились на довольствие в соответствии с количеством населения и характером части, причем заранее произвели расчеты: сколько крестьян смогут прокормить одного пехотинца или кавалериста.

Получив цифровые данные этих расчетов, нужно было выяснить, сколько конкретно проживает крестьян в данном регионе, т. е. вместо подворного обложения вводилась подушная подать, с «души мужского пола».

Поэтому было велено подать сведения о населении («сказки») по принципу записей в переписных книгах XVII века в каждом селении. Но когда за несколько лет эта работа была выполнена, у властей возникло обоснованное подозрение в «утайке» большого количества душ, для чего в регионы отправлялись специальные чиновники-ревизоры, работа которых по проверке сказок стала итогом самостоятельного учета населения [3, с. 132].

По замыслу организаторов подушного учета населения, «главнейшее намерение сей переписи — положение подати на каждую душу легкой, но довольной к содержанию навсегда армий своих и флотов в исправности и без отягощения проданных» [2, с. 405]. Видимо, поэтому сбор сведений о населении был возложен на российскую армию. Указ «О введении ревизии, о распределении содержания войска по числу ревизских душ, об определении воинских и избрании земских комиссаров для заведывания всех сборов с крестьян для содержания войска, и о счете земских комиссаров в собираемых ими деньгах и припасах» вышел 26 ноября 1718 г.

Согласно указу, отныне переписывались не дворы, а «души мужского пола», о которых в течение года следовало собрать данные: «Взять сказки у всех (дать на год сроку), чтобы правдивые принесли, сколько у кого в деревне душ мужеска полу, объявя им то, что кто утаит, то отдано будет тому, кто объявит о том. Расписчикам смотреть, правдою ли те росписи поданы, то же смотреть и офицерам,

а ежели переписчик поманит и не напишет, то о том доносить в военную и ревизионную коллегии. А буде кто как переписчик, так и офицер сей должности и указу пренебрегут, казнены будут смертию» [6, с. 597].

Этот вид учета получил название «ревизия» (от латинского «revisio» — «пересмотр»). Первоначально Петр I собирался сделать ревизскую перепись всеобщей. Довольно быстро он отошел от этой идеи и распространил ревизию только на тяглое население. В 1720—1721 годах было велено собрать «сказки» также о церковнослужителях, «посадских и разночинцев, живущих на посадах и в слободах».

22 января 1719 г. Сенат издал указ «Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок и о взыскании за утайку душ», в котором уточнялся порядок проведения учета населения: «Брать во всех губерниях сказки сколько где в какой волости, селе или деревне крестьян, бобылей, задворных и деловых людей по имени есть мужеска полу, всех не обходя от самого старого до самого последнего младенца», причем «о том послать из Сената к губернаторам указы, чтоб они по сему Его Царского Величества Именному указу исправляли как наилучше со всяким прилежанием, под жестоким Его Государевым гневом и разорением, и оныя сказки из губерний присылали с Санктпетербург к бригадиру Зотову» [6, с. 631].

Согласно приведенному указу о начале ревизского учета, на первом этапе, подготовительном, нужно было собрать сведения о количестве «государственных, патриарших, помещиковых» и пр. крестьян, бобылей, задворных и деловых людей «по именам», причем «без всякой утайки, невзирая ни на какие старые и новые о дворовом числе переписи».

«Сказки» собирали комиссары губернских канцелярий или «городские правители», как правило, имеющие воинский чин. На втором этапе особыми ревизорами и силами армии проводилась собственно перепись населения. Итоги ревизий записывались в особые переписные книги — «ревизские сказки».

Записи в переписных книгах делались по образу и подобию подворных переписей XVII в. — указывался двор и его хозяин, перечислялись поименно все его обитатели мужского пола с указанием возраста. Отдельно делался подсчет по слободам или отдельным населенным пунктам.

На заключительном этапе на основе «ревизских сказок» делался подсчет населения по отдельным категориям в губернии в целом. Эти сводные данные назывались перечневыми выписками; введены

в действие они были указом от 3 декабря 1719 г. Правительство полагало, что предложенный механизм осуществления переписи значительно ускорит введение новой подушной системы налогообложения, а количественные итоги ревизий удастся собрать уже к 1720 г. Но на практике сбор «ревизских сказок» столкнулся с рядом трудностей и продолжался значительно дольше (например, «сказки» 1-й ревизии по городу Курску датируются 1719 г., а сама переписная книга — 1723 г.) [7].

Тем не менее, несмотря на ряд недостатков, ревизские обследования как государственная система учета населения, начатые в 20-е гг. XVIII столетия, просуществовали до середины XIX в.; их количественные итоги часто были единственным источником данных о подданных Российской империи.

Список литературы:

1. Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I: Введение подушной подати в России. 1719—1728 гг. / Под ред. Н.Е. Носова. — Л., 1982. — 296 с.
2. Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам: В 12 т. — Т. 7. — М., 1838. — 550 с.
3. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. — М., 2001. — 370 с.
4. Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. — Т. 1. — СПб, 1911. — 513 с.
5. Пинаевский Д.И. Народонаселение дореволюционной России: источники и методы работы с ними. — Сыктывкар, 2003. — 290 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. — Т. 5. — СПб., 1830. — 1080 с.
7. Раздорский А.И. Переписная книга Курска 1723 г. как исторический источник // Писцовые книги и другие массовые источники XVI—XX вв.: Мат-лы XV Всеросс. науч. конф. — М., 2008. — С. 261—269.

ЗАБАСТОВКА КАК ФОРМА ПРОТЕСТА ШАХТЁРОВ КУЗБАССА ВО ВРЕМЯ ПЕРЕХОДА К РЫНОЧНЫМ ОТНОШЕНИЯМ (1992—1999 ГГ.)

Соловенко Игорь Сергеевич

канд. ист. наук, доцент ЮТИ ТПУ, г. Юрга

E-mail: igs-71@rambler.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Кемеровской области, проект № 11-11-42009а/Т.

Забастовка была наиболее популярной формой протеста среди шахтёров Кузбасса на протяжении всего анализируемого периода, особенно до начала «рельсовых войн» в мае 1998 г. Накануне рыночных реформ, используя данную форму протеста, рабочие угольной отрасли сумели добиться многих поставленных задач, что укрепило их веру в эффективность стачечной борьбы. Забастовка как средство отстаивания социально-экономических прав имела много необходимых в шахтёрском движении положительных сторон. В первую очередь демонстрационный характер выражения протеста. Любая остановка производственного процесса обращала внимание не только со стороны руководства предприятий и угольной отрасли, но и общественности. В ходе забастовочного движения определялись цели и задачи горняков, формировалась реальная солидарность трудящихся, вырабатывался механизм борьбы, выдвигались лидеры и т. д. Отдельные остановки трудовой деятельности перерастали в широкомасштабные стачки, порой достигая всероссийского уровня. Вместе с тем, даже во время наиболее крупных забастовок, всегда отдельные участки шахт и разрезов продолжали работать для обеспечения деятельности котельных и других объектов жизнеобеспечения города.

Ещё в 1990-е гг. историк Л.А. Гордон заметил, что «шахтёры значительно чаще участвовали в забастовках, в то время как не шахтёры — в митингах» [5, с. 167]. Популярность и эффективность забастовок, прежде всего, в период подъёма протестного движения шахтёров Кузбасса (1992—1996 гг.) объясняется следующими причинами. Во-первых, большинство забастовок и призывов к забастовкам получали поддержку директорского корпуса, видевшего в них возможность выбивания дополнительных средств из Москвы.

Во-вторых, в первые годы рыночных преобразований власть пыталась заигрывать с шахтёрами (хотя и вялая, запоздавая реакция на забастовки всё же была). В-третьих, уровень солидарности, совместных действий горняков страны в первой половине 1990-х гг. был выше, чем во второй половине данного десятилетия, когда жёсткие условия рыночного выживания заставляли больше думать о собственных интересах.

Важнейшей особенностью забастовочного движения шахтёров Кузбасса в начале рассматриваемого периода являлся стихийный характер борьбы. Забастовки вспыхивали на отдельных шахтах, требования рабочих носили узкий спектр и не имели широкой поддержки. Не было единодушия по вопросу остановки предприятия и в самом трудовом коллективе. Инициаторами остановок предприятий, как правило, выступали рабочие подземной группы: проходчики и забойщики. Представители других рабочих профессий угольной отрасли были в тени протестных событий. В итоге отдельные, разрозненные забастовки 1992 г. мало что решили.

В следующем году шахтёры Кузбасса предприняли меры по объединению усилий для проведения совместных акций протеста. Забастовки горняков поддержали Росуглепрофсоюз, НПП, КПРФ и другие общественно-политические силы. Однако в шахтёрской среде не нашлось лидеров и сил способных связать общие интересы угледобытчиков. В итоге увеличение количества забастовок так и не переросло в качественное состояние борьбы угледобытчиков.

После динамичного развития стачечного движения в 1993 г., уже в конце данного года забастовка как форма протеста испытала кризис. Её эффективность оказалась низка, а удар по экономическим показателям бастующих предприятий ощутимым. Поэтому в конце 1993 г. отдельные горняки Кузбасса уже всерьёз сомневались в действенности забастовки как формы протеста [4]. Стачечное движение серьёзно подрывали разрозненные действия шахтёрских профсоюзов — НПП и Росуглепрофсоюза, которых больше заботило укрепление влияния на угледобытчиков, чем результаты их борьбы. Отказывались проявлять забастовочную солидарность с рабочими шахт работники всех пяти разрезов Кузнецкого края [2, л. 16]. Знаковым событием в забастовочном движении кузбасских горняков стал их отказ от участия во всероссийской шахтёрской стачке, которая прошла в декабре 1993 г. [6, с. 61].

Забастовки в дальнейшем не прекратились, но они были ещё более разрозненными, а порой имели обратный эффект. После варварского закрытия в июле 1994 г. шахты «Черкасовская»

(«Прокопьевскуголь») шахтёры начали воспринимать угрозу закрытия более серьёзно. Последующие события показали, что очень часто забастовки подталкивают отраслевое руководство принимать решение о закрытии предприятий. Следствием стало то, что работники убыточных шахт стали бояться бастовать, и забастовка стала «привилегией» наиболее рентабельных угольных предприятий [3, с. 254].

В качестве примера, подтверждающего данную мысль, часто упоминают события на одной из крупнейших прокопьевских шахт — «Центральная», которая никогда не стояла в планах на закрытие, а решение о её ликвидации было принято «Росуглём» после двухмесячной забастовки работников шахты (декабрь 1996 г. — январь 1997 г.) из-за многомесячных задержек заработной платы. В нарушении принятых норм и законов её ликвидация проводилась без предварительной подготовки, без специального технико-экономического обоснования, учитывающего интересы уволенных. Работники без их согласия, целыми участками переводились на другие шахты, не получая каких-либо выплат и компенсаций. Многих увольняли с формулировкой «в связи с сокращением объёмов производства», что лишало их ряда законных льгот. Шахтёры в своём большинстве считали неожиданное закрытие шахты «Центральная» попыткой преподать урок всем угольщикам Кузбасса [5, с. 167—168].

В середине 1990-х гг. динамично увеличивалась задолженность по заработной плате шахтёров, что объективно подталкивало их на отстаивание своих трудовых прав. Главной особенностью периода 1994—1997 гг. стала практика, когда бастующие коллективы выбивали средства, в основном, только для себя. Разочарование в солидарности, отсутствие серьёзных политических союзников, неадекватная реакция Правительства и Администрации Кемеровской области гасили веру в возможности забастовки как средства достижения социально-экономических результатов. Эффективность забастовок шахтёров Кузбасса, как и в советский период [1, л. 57], подрывалась поставками угля из-за рубежа. Многие горняки, вступая в забастовку, уже думали не о родном предприятии, а о возвращении зарплаты и последующем увольнении.

Забастовочное движение показало, что у шахтёров нет признанных лидеров, они не доверяли профсоюзам, политическим партиям, руководству страны. Горняки были способны бороться за свои права, но не видели перед собой ясных целей, конкретных задач, верных решений. Не было и единства в их действиях. Костяк забастовочных комитетов шахтёрских городов края, как правило, составляли представители 2—3 шахт. В отличие от периода забастовок

1989—1991 гг. в эпоху рыночных преобразований у горняков не было таких сильных представительных органов как рабочие комитеты, которые в советское время имели постоянно действующую группу консультантов из числа экономистов, юристов, историков, философов, инженеров [7, с. 63]. Всё это вело к стихийности и низкой степени эффективности стачечного движения.

В силу особенностей Кузбасса протестное движение здесь развивалось несколько иначе. В 1995—1998 гг. ситуация в Кузбассе характеризовалась проведением коллективных акций протеста. В них принимали участие представители различных отраслей, но наиболее активными были шахтёры и учителя. Таким образом, забастовки уже не являлись столь демонстрационной формой протеста как в начале рыночных реформ.

Авторитет забастовок подрывался нередкими фактами пьянства и не дисциплинированностью участников [8]. Введение сухого закона как это было во время стачки шахтёров Кузбасса в 1989 г. [7, с. 56] было весьма проблематично потому, что уровень сознания и организованности многих забастовщиков явно уступал тому периоду времени. Пили «с горя», своё пьянство во время акции протеста рабочие, как правило, объясняли отсутствием денег.

Особого успеха забастовки не имели, но они способствовали объединению горняков страны, выработке общей стратегии и тактики борьбы. Тем более не прервали хронические задержки зарплаты и такие радикальные формы протеста как: подземная «забастовка», захват заложников, блокада важнейших железнодорожных магистралей и др. Поэтому шахтёры продолжали использовать забастовку как форму протеста в последующие годы, при этом больше стали уделять внимания таким аспектам протестного движения как организованность, солидарность и содержание требований.

Список литературы:

1. Архивный отдел администрации г. Берёзовского Кемеровской области. Ф. 39. Оп. 1. Д. 10.
2. Архивный отдел администрации г. Прокопьевска. Ф. 31. Оп. 1. Д. 320.
3. Борисов В.А. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтёрского движения за 1989—99 гг.). — М.: ИСИТО, 2001. — 416 с.
4. Васильев В., Живописцев М. Забастовка: «за» и «против» // Кузбасс (Кемерово). 1993. 30 ноября.
5. Гордон Л.А. Крутой пласт: Шахтёрская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / Под ред. Л.Гордона, Э.Клопова, И. Кожуховского. — М.: Комплекс-Прогресс, 1999. — 352 с.

6. Забастовки. Зарубежный и отечественный опыт / Ю.Н. Миловидова, А.Н. Крестьянинова. — М., 1998. — 208 с.
7. Лопатин Л.Н. История рабочего движения Кузбасса. — Прокопьевск: «Пласт 1», 1995. — 304 с.
8. Цыряпкин А. Пьяный на шахте — почти обыкновенно. Администрации предприятий решаются на жёсткие меры // Кузбасс. 1995. 25 февраля.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЛУЖБЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ: 1918—1919 ГГ.

Сукманов Эдуард Валентинович

*канд. экон. наук, доцент, Курский государственный университет,
г. Курск*

E-mail: Edik-24@yandex.ru

Любое государство нуждается в полном, точном и своевременном поступлении статистических сведений, поэтому уже в первые годы своего существования Советское правительство приступило к созданию собственных статистических органов не только в центре, но и на местах.

Источниками для написания данной статьи послужили документальные материалы Государственного архива Курской области фонда Курского губернского статистического отдела (губстатотдела) за 1918—1928 гг. (ф. Р—327).

После Октябрьских событий 1917 года практически все учреждения Российской империи были упразднены. В Курской губернии оценочно-статистический отдел Курской губернской земской управы был передан в ведение губернского земельного комиссариата. Позднее к нему был присоединен и бывший губернский статистический комитет.

25 июля 1918 г. было утверждено Положение о государственной статистике. Согласно этому документу, ведение всех отраслей государственной статистики в стране возлагалось на Центральное статистическое управление (ЦСУ) и его органы. Все государственные, общественные и частные учреждения и организации были обязаны оказывать ЦСУ полное содействие при собирании статистических сведений и доставлять ему все необходимые статистические материалы.

3 сентября 1918 года вступило в силу Положение об организации местных статистических учреждений, которым предусматривалось образование во всех губерниях губернских статистических бюро и их уездных отделений. Всем другим статистическим учреждениям, находившимся в ведении отдельных ведомств (земледелия, продовольствия и пр.), как и губернским и уездным статистическим бюро, присваивались права самостоятельных отделов Исполнительных комитетов. В своей деятельности они должны были руководствоваться общегосударственным планом статистических работ и заданиями ЦСУ. В то же время им предписывалось обслуживать и местные статистические нужды на основе получаемых в общегосударственном порядке заданий, а в случае надобности — путем проведения самостоятельных работ за счет местных средств.

28 сентября 1918 г. вышло распоряжение Центрального статистического управления № 688 за подписью управляющего П. Попова, в котором он предложил «губернскому исполнительному комитету немедленно приступить к организации губернского статистического бюро согласно «Положения об организации местных статистических учреждений». Также разъяснялось, что «опубликованным «Положением» губернные статистические учреждения образованные бывшими земскими самоуправлениями, переселенческими управлениями, продовольственными комитетами и другими организациями, на кого были возложены обследование и разработка переписей 1916 и 1917 гг. являются как правильно организованные статистические учреждения губернскими статистическими центрами и переименовываются в губернные статистические бюро» [1, л. 4].

30 сентября 1918 г. из ЦСУ был отправлен циркуляр за № 700 в статистическое отделение бывшей Курской губернской земской управы: с предложением «немедленно войти в сношение с губернским исполнительным комитетом по вопросу об организации губернского статистического бюро в спешном порядке, дабы Ваш делегат на созываемую 19-го октября с.г. конференцию по вопросам организации местных и центральных статистических учреждений мог бы привезти подробный доклад о положении дела с организацией губернского статистического бюро» [1, л. 5].

В Курской губернии «для всесторонней разработки вопросов и координирования деятельности ведомств в области статистического изучения губернии» 8 октября 1918 г. Курский губисполком принял постановление об объединении статистических отделов других ведомств и о создании губернского Совета по делам статистики. В Совет вошли заведующий губернским статистическим бюро,

заведующие различными статистическими секциями, представители от Курского губисполкома и всех его комиссариатов [1, л. 6].

Курское губернское статистическое бюро было образовано в 1918 г. Первым заведующим стал Е.К. Введенский, имевший большой опыт статистических работ. С 1901 г. он трудился в должности счетчика статистического отдела Уфимской губернской земской управы, затем — старшим сотрудником оценочно-статистического отдела Харьковской губернской земской управы. С 1911 г. и до момента его ликвидации в 1917 г. работал заведующим оценочно-статистическим отделом Тверской губернской земской управы. В 1918 г. был приглашен в Курск в качестве заведующего Курским губернским статистическим бюро [5, л. 101—106].

В августе 1918 г. в статистическое бюро вошел статистический отдел Курского губернского продовольственного комитета, в сентябре — статистический отдел Курского губернского совета народного хозяйства, в ноябре — статистический отдел Курского губернского отдела народного образования, в декабре — отдел городской статистики Курского горсовета, созданный в апреле 1918 г. [4, л. 1, 5].

В задачу губернского статистического бюро входило выполнение статистических работ «во всех областях хозяйственной и общественно-культурной жизни». Оно занималось статистикой населения, сельского хозяйства и землепользования, промышленности, транспорта, продовольствия, труда, торговли, народного образования, здравоохранения и пр. На него также возлагалось производство всякого рода переписей и обследований, издание статистических ежегодников.

Уже в 1918 г. усилиями сотрудников губернского статистического бюро при содействии статистиков из 14-ти созданных уездных отделений были выполнены следующие виды статистических работ:

- сельскохозяйственная перепись, которая включала сплошную перепись населения (его занятия и грамотность); перепись сельскохозяйственного инвентаря и землепользования в 11-ти уездах губернии (кроме Белгородского, Суджанского, Путивльского и Грайворонского, на тот момент оккупированных); выборочную 10 %-ю перепись скота, посевов и урожая в тех же 11-ти уездах;
 - перепись мелких промышленных предприятий в 11-ти уездах;
 - профессиональную перепись рабочих в мелких предприятиях;
 - перепись крупных и средних промышленных предприятий,
- а также профессиональную перепись рабочих;

В 1919 г. удалось провести исследование питания городского населения в Курске, Дмитриеве, Короче и Судже [3, л. 16].

Такой большой объем статистических работ потребовал упорядочения структуры Курского губернского статистического бюро и увеличения кадрового состава.

Любопытна докладная записка Н.И. Златоверховникова, бывшего секретаря Курского губернского статистического комитета, в курском губстатбюро зав. секцией демографической статистики «Об увеличении персонала секции демографической статистики», датированная январем 1919 г.: «Для работ по начинающейся выборке из метрических книг сведений о браках, рождаемости и смертности необходимо увеличить персонал секции, состоящий пока из заведующего и счетчицы. По смете штат секции предположен в следующем составе: заведующий, статистик 1-го разряда, 2 статистика-счетчика, 2 счетчика 2-го разряда, 2 счетчика 3-го разряда, канцелярист, всех 9 лиц. Пока можно было бы ограничиться приглашением 5 счетчиков за сдельные платы, причем по мере развития работ и перехода к более сложным из них персонал будет постепенно увеличиваться» [6, л. 7].

К началу 1919 г. Курское губернное статистическое бюро состояло из следующих секций: сельскохозяйственной статистики, земельной статистики, продовольственной статистики, промышленной статистики, демографической статистики, статистики народного образования, общей статистики, разработки сельскохозяйственной переписи 1917 г. Кроме секций в губстатбюро имелись: общий отдел, управление делами, канцелярия, бухгалтерия, архив, библиотека, чертежная часть. Было также организовано отделение городской статистики, которое осуществляло текущий учет городского населения и вело разработку городской переписи 1917 г. [2, л. 1—5].

Таким образом, советской власти уже в первые годы своего существования удалось создать вполне дееспособные собственные статистические органы, которым удалось в сложных условиях выполнить большой объем статистических работ по обследованию собственных регионов, в т. ч. и Курской губернии.

Список литературы:

1. ГАКО (Государственный архив Курской области). Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 9.
3. ГАКО. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 19.
4. ГАКО. Ф. Р-327. Оп. 1. Д. 29.
5. ГАКО. Ф. Р-327. Оп. 2-л. Д. 102.
6. ГАКО. Ф. Р-327. Оп. 7. Д. 33.

4.2. ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЕ, АРХИВОВЕДЕНИЕ

ОТ ГЕРБОВОЙ БУМАГИ К БЛАНКАМ ДОКУМЕНТОВ В ИСТОРИИ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Дрыгина Наталья Николаевна

*канд. ист. наук, доцент юридического факультета АГУ, г. Астрахань
E-mail: Sachsa94@mail.ru*

История бланка насчитывает более двух столетий, что говорит об устойчивости традиций в оформлении документов. Еще в начале XVIII века официальные документы писались на гербовой бумаге. Впервые штемпелирование бумаги государственным гербом для составления официальных бумаг было введено в Голландии в 1624 г. В России появление гербовой бумаги относится к концу XVII в. Проект «клеймения» бумаги был подан Петру I дворецким Б.П. Шереметеву А.А. Курбатовым. Царь оценил финансовые выгоды этого мероприятия, и указом от 1 марта 1699 г. гербовая бумага была введена на территории всего государства [3, т. 3, п. 1637]. Суть этого нововведения состояла в том, что для составления практически любого документа бумагу надо было покупать у государства. Каждый лист гербовой бумаги имел штамп с изображением государственного герба. Петр I ввел три разновидности гербовой бумаги:

- с «большим клеймом» по 10 копеек (три алтына две деньги) за лист для оформления сделок на сумму 50 рублей и выше;
- со «средним клеймом» по одной копейке (две деньги) за лист;
- и с «меньшим клеймом» по полкопейки (одной деньге) за лист. Бумага со «средним» и «меньшим» клеймами использовалась для составления челобитных, в приказном делопроизводстве и пр. Было также утверждено три образца гербовой бумаги разной стоимости: в 20 или 10 копеек, в 2 деньги или одну копейку и одну деньгу. И на столбцах — 25 и 50 копеек. Указом от 7 декабря 1699 г. введено еще два вида гербовой бумаги: по 25 копеек за лист для оформления сделок на сумму до 1000 рублей и по 50 копеек — для сделок на сумму свыше 1000 рублей [1, с. 33].

Штамп имел круглую форму с гербом и указанием цены листа.

Обязанность производить гербовую бумагу, т. е. ставить штампы, была возложена на Оружейную палату. Позже, с 24 августа 1722 г., этим начала заниматься Мануфактур-коллегия, с 24 февраля 1727 г. — Коммерц-коллегия, а затем — Экспедиция о государственных доходах.

Первая партия гербовой бумаги предназначалась для разрезки на столбцы, поэтому штамп ставился на каждом листе два раза, в верхних правом и левом углах. Такая расстановка штампов была нужна для того, чтобы при разрезке листа на два столбца на каждом столбце имелся штамп. Это привело к путанице и спекуляциям — в отдаленных от столицы местах стали продавать столбец по цене листа, так как в присутствующем на каждом столбце штампе указана цена целого листа. Трудности использования в справочных целях столбцов, сложности, возникшие при хранении, привели к их отмене.

Своим Указом 1699 г. Петр I ввел гербовую бумагу, на которой стали составляться документы. В 1700 г. в делопроизводстве перешли от столбцов на тетради, Указом Петра I от 1700 г. было предписано заменить их тетрадями: «...всякие нашего великого государя и челобитчиковы дела писать в лист и в тетради дестевые, (т. е. в поллиста, вместо ранее существовавшего формата «в четверть»), а не в столбцы» [3, т. 4, п. 1797]. Тетрадь — это лист бумаги, сложенный вдвое.

С 1702 г. на каждом листе ставилось четыре штампа — на каждой стороне по два в верхнем и нижнем углах [2, с. 87]. Позже порядок штампования листов утвердился окончательно — по одному штампу на странице в правом верхнем углу. С 1719 г. помимо цены на штампе стали ставить год выпуска. Таким образом, гербовую бумагу без даты следует относить к периоду с 1699 по 1718 гг. Датировать более точно внутри этого периода можно по расположению штампов на листе.

С 1720 г. до 1723 г. на штампах не ставили цены, а только дату. Штамп, утвержденный в 1724 г., просуществовал только до 1726 г., а штамп 1726 г. — до 1764 г. С 1724 г. на гербовой бумаге появляется специальная филигрань: сверху надпись «Гербовая бумага», а под ней на каждой половине листа — два орла [2, с. 101].

В 1767 г. на филигрании гербовой бумаги ценой в две копейки стали указывать дату ее выпуска, что, правда, соблюдалось не всегда. В 1798 г. рисунок штампа опять изменили, а в 1800 г. в него ввели мальтийский крест, который был изъят в 1801 г. Для датировки эти изменения существенного значения не имеют, так как на штампе с 1720 г. неизменно стоит дата выпуска.

В XIX веке в системе управления и делопроизводства произошли существенные изменения, что привело к изменениям формы

документов. Официальные документы составлялись на бланках с угловым расположением реквизитов. Унификации формы документа способствовало установление правил применения гербовой бумаги. В XIX в. законами было установлено, на какой бумаге какие документы писать. Простая гербовая бумага имела пять «разборов» — в 15, 30, 60, 90 коп. и 2 руб. серебром. Чем выше было учреждение, куда посылался документ, тем дороже должна была быть стоимость («разбор») гербовой бумаги. Так, первый «разбор» был установлен для просительских документов, подаваемых в низшие инстанции, а четвертый — для прошений, подаваемых в высшие инстанции [2, с. 132].

Унификации формы документа способствовало установление правил применения гербовой бумаги. На гербовой бумаге писались «просительские» документы и акты, все канцелярское делопроизводство велось на простой бумаге. Делопроизводственные документы по характеру составления и исполнения были разделены на четыре группы: 1) внутренние документы, 2) переписка, 3) «просительские» документы, 4) акты [1, с. 40].

«Просительские документы» — это жалобы, прошения, отзывы. Для апелляционных жалоб было установлено 5 видов гербовой бумаги — от 2 руб. до 10 руб. серебром. Апелляционные жалобы в Сенат писались на гербовой бумаге стоимостью 10 руб., в гражданские палаты — 6 руб.; для «верющих писем» (доверенностей) употреблялась гербовая бумага стоимостью 2 руб.

Акты составляли большую группу документов. Об их видах, порядке составления и засвидетельствования подробно говорилось в «Законах гражданских», опубликованных в X томе «Свода законов Российской империи» [1, с. 41]. «Крепостная» и «контрольная» гербовая бумага употреблялась для составления актов, торговых свидетельств и т. п. Стоимость этих видов бумаги зависела еще и от суммы сделки, на которую заключался акт. Такой порядок частично сохранялся до 1917 года.

Появление в делопроизводстве России бланков относится к началу XIX века, когда широкое распространение и законодательное закрепление угловой формы расположения сведений об учреждении — авторе документа можно связать с появлением в начале XIX века практической возможности часть реквизитов документов писать на бумаге заранее, то есть заготавливать бланки заранее.

В 1830 году употребление бланков было закреплено законодательно, появляется требование обязательного применения бланков»

для ускорения хода дел и уменьшения занятий канцелярских служащих» [3, т. 2, п. 546].

С 30-х гг. XIX в. появляются бланковые надписи. Они писались от руки, изготавливались типографским способом или проставлялись с помощью резинового штампа. Предписывалось размещать обозначение автора в левом верхнем углу. Бланки были двух видов. Один включал: наименование ведомства, учреждения, структурной части, от которой исходил документ, дату отправления документа, номер его по реестру исходящих документов, указание места составления. Кроме того в состав бланка иногда входил заголовок к документу. Другой вид бланка состоял из обозначения штатного названия должностного лица, от которого документ исходил [1, с. 41—42].

Определялся и круг документов, для которых могли изготавливаться бланки. На бланках писали обычно письма, иногда на бланках писали и отпуски (черновики) писем.

Указы, журналы, протоколы, записки и др. писались на чистых листах бумаги, без бланков.

В XIX в. формуляр документа выдерживается более строго. В каждом документе имеются все его реквизиты, они получают определенное место. Выделение бланковой надписи с обозначением в ней автора, даты и номера документа ускоряло обработку документов.

Для ведения делопроизводства в XIX в. применялись как гербовая бумага, бланки, так и чистые листы бумаги.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, гербовая бумага была введена Петром I и на протяжении нескольких столетий постоянно преобразовывалась, истоки современного бланка относятся к XIX веку.

Список литературы:

1. Илюшенко М.П., Кузнецова Т.В. Формуляр документа. Учебное пособие. — М.: МГИАИ, 1986. — 85 с.
2. Митяев К.Г. История и организация делопроизводства в СССР. Под ред. д. и. н., проф. А.В. Чернова. М., 1959. —159 с.
3. Полный свод законов Российской империи. 1832.

**«СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ И ИСТОРИЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

17 октября 2012 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 24.10.12. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 7. Тираж 550 экз.

Издательство «Сибирская ассоциация консультантов»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3